

НИКОЛЬ
НОЙБАУЭР

ПОДВАЛ В ПЛЕНУ

БЕГИ, ПОКА У ТЕБЯ ЕСТЬ СИЛЫ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Николь Нойбауэр
Подвал. В плену

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2015

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гер)

Нойбауэр Н.

Подвал. В плену / Н. Нойбауэр — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015

Комиссар Вехтер ведет расследование по делу Розы Беннингхофф. Офицер многое повидал на своем веку, но это убийство его шокировало. Слишком жестокое, слишком беспощадное... Кто способен на такое? И что делал в подвале дома убитой четырнадцатилетний мальчик в крови? Чем ближе к разгадке, тем больше вопросов возникает. Возможно, смерть Розы связана с одним старым преступлением...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гер)

© Нойбауэр Н., 2015
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	33
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николь Нойбауэр

Подвал. В плену

Переведено по изданию:

Neubauer N. Kellerkind: Kriminal Roman / Nicole Neubauer. – München: Blanvalet Verlag, a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, 2015. – 416 S.

© Blanvalet Verlag, München, 2015

© Shutterstock. com / melis, обложка, 2016

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2016

*Я бегал вокруг дерева, на котором монстр спал. Я посмотрел,
нахмутив брови, и монстром я стал.
Дэвид Боуи. Ширина круга*

Глава 1

День 1. Пороша

Он замерз. Проснулся он от холода, который сковал его тело и притупил боль. Холод измучил его. Стоило ему пошевелиться, как боль снова пронзала его насквозь. Сколько же он проспал?

«Ты ведь мог и насмерть замерзнуть».

Картонные коробки плохо держали тепло, мышцы его одеревенели, как у покойника. Он поднялся, опершись на стену, штукатурка крошилась под пальцами и сыпалась вниз. В голове пульсировала боль, которая снова вернулась или и вовсе не уходила – он не мог понять. Это ощущение боли словно жило своей жизнью. Он осторожно присел, как в замедленной съемке. Сквозь окно, завешенное одеялом, свет почти не проникал внутрь, подвальная решетка разрезала мир на полосы.

Яркие вспышки полыхали в мозгу, появлялись образы разможенных костяшек пальцев, лестничных ступеней, слышались голоса. Аспид забирал его воспоминания. Аспид таился сзади, в затылке: это место всегда оказывалось теплым, когда он просыпался. Аспид знал, что он ничего не сможет вспомнить.

– Вставай! – велел Аспид.

И тело повиновалось. Подвал вертелся вокруг него, желудочный сок подступал к горлу.

Он мог пошевелить левой ногой, и правой, и левой рукой... Только не смотреть на правую руку – наплевать на нее. Ему нужно выбраться отсюда как можно скорее – это важнее всего.

– Пошел! – зашипел Аспид.

Он толкнул решетку, прикрывавшую вход в подвал, нащупал лестницу и стал подниматься, с трудом преодолевая ступень за ступенью, как раненый зверь, лишенный прошлого.

Аспид взял командование на себя, он знал, что нужно делать. Теперь главное – не оборачиваться, только не сейчас.

* * *

Финн не обращал внимания на полную ложку каши с пастернаком, застывшую возле его рта. Ребенок запрокидывал голову и лопотал на своем языке:

– Б-э-э, б-э-э, омн.

– Ну же, Финн, тебе ведь всегда нравилась кашка. Ну-ка, ротик открыва-а-а-й!

Малыш, пискнув, откинулся назад. Комья каши разлетелись по всей кухне.

– Б-э-э, б-э-э. Бака б-э-э, б-э-э. Омн.

Мать Финна вздохнула. Если бы она могла понять хоть слово из того, что он весь день бормочет! Мальчик ерзал на своем высоком стульчике взад и вперед, уставившись в потолок. Он размахивал ручками.

– Мама омн! Мама омн! Б-э-э, б-э-э!

Капелька темно-красной жидкости упала Финну на переносицу, между глаз, и скатилась по щеке. Он скривил рот в беззубой улыбке и завизжал.

Мать Финна посмотрела вверх и тоже завизжала, но не от восторга.

Ханнес перепрыгивал через две ступеньки. На лестнице лежала зеленая ковровая дорожка, покрытая пятнами, – сущий ад для криминалистов, для которых она станет испытанием. Фары проезжавших мимо автомобилей заливали пролеты яркими пятнами света,

оживляя тени. На четвертом этаже дверь в одну из квартир оказалась распахнута, и там было светло как днем. Одетые во все белое люди двигались медленно, словно астронавты, высаживающиеся на Луну.

На лестничной площадке сидел на корточках Тумблингер из экспертно-криминалистической службы и обмахивал мягкой кисточкой дверной косяк.

– Ты уже здесь? – повернулся он к Ханнесу, не выпуская из рук инструмента. – А Вехтер хотел тебя с собаками искать.

– Я спешил...

Ханнес начал было оправдываться, но вовремя остановился. Ему не следовало извиняться, словно он занимал не свою должность. Черт возьми, он ведь главный комиссар!

Тумблингер внимательно взглянул на коллегу и сказал:

– Каждый волосок на месте преступления стоит ящика пива.

– Ну ладно уж!

Ханнес засунул упрямую прядь волос под шапочку спецодежды. В глазах еще рябило после двухчасовой поездки на машине через метель. Застоявшийся табачный дым подсказывал, что Вехтер тут уже побывал.

Этот запах был знаком Ханнесу – такой же царил в его кабинете. Он вселял успокаивающую уверенность в том, что коллега Ханнеса, другой главный комиссар, уже взялся за дело и осмотрел место преступления.

Звонок Вехтера застал Ханнеса в конце проселочной дороги, вскоре после того, как он успел добраться домой. Дети радовались приходу декабря, они хотели отправиться в лес с факелами. Расмус собирался надеть свои только что купленные сапоги-луноходы. Можно было бы посадить Лотту в заплечную детскую сумку и прихватить пунш и какао. Теперь они отправились на эту прогулку без Ханнеса. Он на миг представил себе вечерний лес и пламя факелов, но тут же отвлекся на Вехтера, который вырос перед ним в белом защитном костюме, словно огромный снеговик, пребывающий в дурном настроении.

– Привет, Ханнес.

– Прости, я... – Ханнес только открыл рот, чтобы извиниться, но Вехтер протестующее поднял руку:

– Ну хватит. Главное, что ты уже здесь, на остальное мне плевать.

Вехтер развернулся и кивнул в сторону комнаты, залитой ярким светом.

Ханнес остановился в дверях и прикрыл ладонью рот и нос. Запах крови был очень сильным, потребуется несколько дней, чтобы от него избавиться. Он присел на корточки рядом с Вехтером: лучше подышать сигаретным дымом. Они словно устроились на берегу. На берегу озера.

Озера крови.

Перед ними, как декорация на сцене, в мощных лучах прожекторов животом вниз лежал труп. Виднелась лишь половина лица. Рядом один из криминалистов, примостившись на куске брезента, сантиметр за сантиметром обрабатывал специальной клейкой лентой бежевые брюки жертвы. Лоб полицейского прорезала вертикальная складка. У Розы Беннингхофф – или того, что от нее осталось, – были накрашены веки и губы. Лицо иссечено мелкой сеткой морщин, которые особенно четко проступали в ярком свете. Ее волосы, уложенные в идеальную прическу, и после смерти выглядели замечательно. Под подбородком зияла громадная рана, края которой разошлись, из-за чего голова отделилась от туловища, держась лишь на шейных позвонках.

– Самоубийство мы, пожалуй, можем исключить, – произнес Ханнес.

– Мы это решили еще полчаса назад, но *merci*¹ за идею, – ответил Вехтер, не сводя глаз с трупа. Двое коллег принесли папки и еще несколько кусков брезента.

– Сейчас нужно ее перевернуть, – взглянув на них, сказал криминалист. – Здесь болтовня не поможет.

Брезент зашуршал, и Ханнес отвернулся. Его желудок взбунтовался, а ведь он даже не успел поужинать. Может, и к лучшему. Хотя они здесь быстро не управятся.

– Начальница еще не приехала? – Ханнес окинул взглядом комнату, но не заметил ее седой косы.

– У нее грипп.

– И кто ее заменяет?

– Ну кто, по-твоему?! Единственный идиот, который вовремя сделал прививку от гриппа. – Вехтер похлопал себя по груди. – А что мне еще остается, если половина комиссариата лежит пластом? Чертов холод нас доконает.

– А Элли?

– Не берет трубку. Она собиралась на танцы.

– Вот неудача.

Когда Ханнес снова обернулся, труп уже лежал на спине, с головой, обращенной в противоположную от них сторону. Прямо перед ним зияла рана на шее. Ему казалось, что он видит перерезанные артерии, гортань или даже часть шейных позвонков.

Каким оружием можно было нанести такую рану? Ханнес сморгнул и попытался увидеть в этом трупе живого человека. Если встречались целые, не изувеченные тела, ему это удавалось: они казались спящими детьми. Но, когда попадались трупы с такими ранами, Ханнес сразу понимал, что от живого человека тут ничего не осталось.

Был, да весь вышел.

К несчастью.

– Вы орудие убийства нашли? – спросил он, чтобы перевести ход своих мыслей на нечто более осязаемое.

– Нет, а ты?

Это был риторический вопрос, и все же Ханнес поднялся и осмотрел комнату. Благодаря открытой кухне-студии однокомнатная квартира казалась больше, чем была на самом деле. С потолка сыпалась штукатурка, на стенах покорибилась выдавшая виды краска, и ее волны в свете прожекторов отбрасывали тени, создавая причудливые образы. Между досечками дубового паркета виднелись щели. Таковы бесценные старые дома на мюнхенской Принцрегентенштрассе². «А какой-нибудь спекулянт мог бы и убить за такую квартирку», – подумал Ханнес и испугался собственной мысли. Если у жертвы не было старого договора о найме, тогда в деле замешаны деньги. Им нужно раскрутить эту версию.

Он прошел по оставленной криминалистами дорожке; половицы скрипели и прогибались при каждом шаге, в серванте звякали бокалы. На стойке, отгораживавшей зону кухни от жилой комнаты, лежала наполовину прочитанная газета «Зюддойче цайтунг», а рядом – очки. Роза Беннингхофф читала газету от начала и до конца: сначала раздел политики, потом фельетоны. Следующая рубрика посвящалась экономическим событиям. Рядом стоял единственный, наполовину пустой винный бокал с высохшими потеками по краям.

– Она не ждала гостей.

– И все же здесь был кто-то еще, – произнес Вехтер. – Только мы пока не знаем, кто именно. И почему.

Один из криминалистов обернулся и сказал:

¹ Спасибо (фр.). (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное).

² Принцрегентенштрассе – одна из четырех крупнейших и самых важных улиц Мюнхена. (Примеч. пер.)

– Здесь натоптано, как на вокзале.

– Как он попал внутрь? – Ханнес сразу подумал о мужчине.

Как всегда, слишком поспешные выводы. Внутренний критик поправил его: «Я хотел сказать: он или она». Хотя, глядя на следы бойни на полу, трудно было предположить, что здесь орудовала женщина.

– Она сама впустила этого человека. Никаких следов взлома нет, – заметил Вехтер.

– Кто ее обнаружил?

– Кровь просочилась через пол и стала капать в квартире этажом ниже, на кухне, прямо во время ужина. – Вехтер поднялся, охнул и помассировал колено.

На лестничной клетке послышался стук тяжелых ботинок. В дверях возник полицейский, лицо его покраснелось после подъема.

– Рокко пошел работать, – сказал он.

Вехтер выпрямил спину:

– Кто?

– Новый коллега, пес. Он взял след и пошел вниз. Гараж или подвал.

Ханнес подошел к входной двери. В свете прожекторов его тень удваивалась и утраивалась, увеличивалась до гигантских размеров, чтобы потом вновь броситься под ноги и исчезнуть. Он инстинктивно сунул руку под куртку и снова опустил. Сердце забилося быстрее.

– Есть у кого-нибудь ключ от квартиры и подвала? – спросил он.

– У меня. Взял у свидетельницы с нижнего этажа. – Коллега протянул ему связку ключей.

Рокко азартно взялся за дело и, слегка повизгивая, пустился по следу, который мог унюхать только он: незримые молекулы, чешуйки кожи, капли крови, человеческое дыхание, которое медленно исчезало, но еще не успело рассеяться в воздухе этого дома. Поскуливание Рокко разносилось по подъезду.

Какая-то женщина выглянула в дверную щель: бледное лицо, наполовину прикрытое прядями волос, на руках – ребенок. Она исчезла, и в двери щелкнул замок.

Пес рвался вперед, натягивая поводок и фыркая. Позади эхом отдавался топот полицейских ботинок.

Перед дверью в подвал они остановились. Пес поскреб лапой порог, и кинологу пришлось придержать его, пока дверь открывали. Ханнес отступил в сторону от проема, подальше в темноту, и наткнулся на плечо Вехтера.

Вехтер устремил на него бульдожий взгляд.

– Ханнес, я уже слишком стар для такого. – Он прислонился к стене с пистолетом в руке и отер платком лицо.

Ханнес наклонился и прошептал ему на ухо:

– Ты слишком толст для такого.

Вехтер в отместку пихнул его локтем в бок.

Ханнес направил фонарик в темноту. Его луч скользнул по грязным бетонным ступеням, больше создавая пляшущие тени, чем освещая лестницу.

– Полиция! Здесь есть кто-нибудь?

На лестнице было пусто. Они спустились, прижимаясь спиной к стене. Ханнес шел впереди, Вехтер пытался сзади. Лестница вела в лабиринт подвальных помещений. Внезапно перед ними возникла табличка с нарисованным на ней черепом и надписью: «Осторожно, крысиный яд!» Слева и справа в луче фонаря мелькнули деревянные решетки, за ними виднелись чемоданы, шкафы и куски брезента. Рокко снова натягивал поводок и повизгивал, устремляясь в темноту. Возле одной из подвальных комнат пес остановился, его задние лапы дрожали. Он подал голос один раз. Кинолог подтащил собаку к себе.

Дверь в помещение была приоткрыта.

– Здесь есть кто-нибудь?

Ответа не последовало.

– Это полиция! Выходите с поднятыми руками!

Тишину нарушало лишь повизгивание собаки.

Ханнес глубоко вздохнул:

– Работаем!

Дверь распахнулась. Дула трех пистолетов смотрели в темный проем. Вдруг фонарик выхватил из сумрака глаза ребенка, таращившегося на них.

«Ты кто такой?»

Мальчик сидел в полицейской патрульной машине и смотрел в окно, ритмичные вспышки синих мигалок освещали его лицо, каждый раз на полсекунды – слишком мало, чтобы его рассмотреть. У него было лицо подростка на пороге юности, абсолютно ничем не примечательное.

Взгляд его казался стеклянным. Здесь он выглядел старше, чем внизу, в подвале, где его большие круглые глаза блестели в свете фонаря. С тех пор как полицейские вытащили его оттуда, мальчик не проронил ни слова.

Вехтер уселся напротив него и стал ждать. Этому он научился у Хранителя Молчания. Уметь ждать. Самые важные вопросы он пока еще не хотел и не мог задать. Вехтеру нужно было лишь узнать его имя, телефонный номер родителей, но больше всего он желал спокойно понаблюдать за ним, увидеть его реакцию после первых минут ареста. Однако главный комиссар не заметил ничего. Если бы Вехтер закрыл глаза, то за считанные секунды понял бы, что не может вспомнить, как выглядит этот парень. А тот словно не замечал ничего вокруг.

Но у них есть время. Парень у них в руках.

«Это ты убил?» – мысленно спросил его Вехтер.

Его глаза – словно тонкий прозрачный лед, сквозь который можно смотреть в глубину. А на дне таятся ответы.

«Что ты видел? – продолжал молча спрашивать комиссар. – Не говори мне этого. Не говори пока. Время еще не пришло».

Дверца резко распахнулась. Внутри протиснулся Ханнес, стряхивая хлопья снега с волос.

– Где родители? – спросил он.

– Пока еще не знаем. – Вехтер снова повернулся к парню. Он охотно подождал бы и посмотрел, что родится из этой тишины, но момент был потерян. Теперь можно задавать любые вопросы. – Мы должны уведомить твоих родителей. Как нам с ними связаться? Где твоя семья?

Вехтеру показалось, что, когда прозвучал последний вопрос, глаза мальчика слегка прищурились, но, возможно, виноваты в этом были вспышки мигалок.

– Кто ты?

– Для меня это слишком долго. – Ханнес наклонился вперед, к мальчику, быстрым движением вытащил из кармана его куртки кошелек и раскрыл его, прежде чем Вехтер успел вмешаться.

– *Carte nationale d'identité*, – прочел он. – Французский паспорт. Оливер Паскаль Баптист. Четырнадцать лет. Пиенценауэрштрассе. – Ханнес взглянул на мальчика, нахмутив брови, и уточнил: – Это же в Герцогпарке, да?

Герцогпарк – район вилл вдоль реки Изар, где за многометровыми заборами жили богачи, которые время от времени подавали иски на городские власти за то, что трамвай

на улице слишком шумит. Подросток не походил на жителя этого района. На нем был грязный пуховик, его длинные локоны сбились в колтун. Но он не был похож и на убийцу: на такое способны вообще единицы. «Уличный мальчишка, вор, который пытался раздобыть несколько евро на очередную дозу и которого жертва застала на месте преступления», – вот о чем сначала подумал Вехтер. Но они не нашли следов взлома на входной двери. А место жительства в элитном районе Мюнхена позволяло разыграть воображению. Нет, нельзя таким заниматься. Это не игра.

– Ты меня понимаешь? *Est-ce que tu parles allemand?*³ – спросил Ханнес, не сводя глаз с мальчика, словно готовясь к прыжку.

Это было слишком. Присутствие второго полицейского уже само по себе было лишним. Чем дольше Ханнес расспрашивал парня, тем глубже тот забирался в свою раковину.

– Оставь его в покое, – вмешался Вехтер.

– Ты и так все время держишь его в покое. Это ни к чему не приведет.

Ханнес помахал рукой перед глазами мальчика, но тот продолжал смотреть на голубые отблески мигалок. Он постоянно накручивал на палец и растягивал прядь своих вьющихся волос, затем снова отпускал, позволяя ей отскочить. На его пальцах и ладони виднелись темно-коричневые пятна. Кровь? Другой рукой парень обхватил живот, засунув ее под куртку. Четырнадцать лет. Он такого же возраста, как...

– Я вроде тебя спрашиваю! – резко произнес Ханнес.

Казалось, мальчик совсем его не слышал, лишь играл прядью волос. И вдруг – рывок! – локон остался у него в руке. Лицо его при этом ничуть не изменилось.

– Да отвечай же наконец! Я тебя кое о чем спросил! – Ханнес ударил рукой по внутренней стороне двери.

От хлопка мальчик вздрогнул, лицо его исказилось, по щекам потекли слезы.

Вехтер схватил Ханнеса за руку и сказал:

– Мы просто хотим узнать, где живут твои родители.

Вместо ответа Оливер завыл еще громче.

– Пойдем. – Вехтер открыл дверь и вытащил Ханнеса наружу.

От холода на миг перехватило дыхание. Только когда дверь автомобиля захлопнулась, он произнес:

– Это ничего не даст. Мы должны прерваться. Я не хочу допрашивать его без родственников.

– Да брось, не время сейчас для этого. Мы же не работники социальной службы на вокзале! – взорвался Ханнес.

– Ты же видишь, что ему сейчас все как об стенку горох.

Ханнес взглянул на полицейскую машину и зашипел в ответ:

– Я не люблю, когда меня разводят. В этом возрасте у них открывается чудесный актерский талант. В отличие от тебя, я могу это оценить.

Вехтер скрестил руки на груди:

– Сейчас мы поедem и покажем его врачу. До утра я не хочу его допрашивать. А потом будем проводить допрос только в присутствии родителей. Ты пробей пока его данные по компьютеру. *Ordre du mufti*⁴.

Не дожидаясь ответа Ханнеса, он снова забрался в машину и положил руку на плечо Оливеру. От этого прикосновения тот вздрогнул.

– Все хорошо. Хорошо. Мой коллега покажет тебя доктору, тот возьмет у тебя кровь на анализ, – говорил он, словно это могло как-то утешить мальчика.

³ Ты говоришь по-немецки? (фр.) (Примеч. пер.)

⁴ Выполняй приказ начальства (дословно «приказ муфтия») (фр.). (Примеч. пер.)

Вехтер взял его под руки и помог выйти из машины. Парень качался и держался за живот, лицо его исказила гримаса боли.

– Погоди-ка. С тобой все в порядке?

Но Оливер молча осел ему на руки. Колени Вехтера едва не подкосились. Как этот доходяга может быть таким тяжелым? Комиссар попытался опустить его на землю, но так, чтобы мальчик не ударился лицом о лед. Ханнес быстро пришел коллеге на помощь и подхватил парня под руки. Вдвоем они осторожно уложили его на землю. Куртка и футболка задрались, обнажив живот.

– Вот дерьмо!

Ханнес поднял одежду еще немного выше. Даже в тусклом свете уличных фонарей были видны синяки и кровоподтеки. Рука мальчика вяло опустилась на обледенелый тротуар, пальцы, разбитые на костяшках, скрючились. Он словно привлекал к себе снежинки, которые ложились ровным слоем на его одежду, на обнаженную кожу и таяли.

Вехтер первым отошел от мимолетного шока и схватился за телефон:

– Нам не нужны психологи, нам скорая нужна!

– Опять роза, господин Паульсен. Вы все время рисуете розы.

Паульсен наблюдал, как сиделка взбивает подушки и закрывает окно. Волосы у нее были черные, словно лакированные, а спина узкая, как у ребенка. Поставив на стол стакан с водой, она провела рукой по его плечам, распространяя аромат весны и чего-то еще. Но чего? Память об этом напрочь стерлась. Не как все остальные воспоминания, которые уходили, словно растворяясь в тумане. Это оставило после себя дыру, будто кто-то вырезал его ножницами, чтобы приклеить в другом месте.

Паульсен поднял кисточку и нарисовал два лепестка внизу картины. На запястье, покрытом старческими пятнами, просвечивали вены, но рука его не дрожала, когда он рисовал. Пока он рисовал, такого не случалось никогда.

Сиделка сняла белый халат и сказала:

– Готово, господин Паульсен. Заканчивайте рисунок, а завтра я приду и посмотрю, идет?

Он поднял руку на прощание, но она уже заперла дверь в комнату. Паульсен бесконечно долго макал кисточку в красную краску, рисовал одну розу, потом другую – вот уже сорок лет.

Многообещающая вывеска «Нойер Хут Кебаб» светилась в темноте, Вехтера манила к себе маленькая стойка с шаурмой возле осиротевших строительных лесов. Здесь он взял лепешку, оказавшись единственным посетителем. Остатки мяса для шаурмы шипели и жарились на слабом огне – сегодня никто больше ничего не купит. Все покупатели сидели дома.

Оставшийся путь домой Вехтер прошагал, втянув голову в плечи. Холод щипал каждый открытый сантиметр его кожи, проникал между шарфом и шеей, пробирался под куртку. Возле диско-паба «Альбатрос», привлекая посетителей, развевался одинокий потрепанный флажок. Откуда-то с верхней площадки лестницы донеслись звуки басов – такт в четыре четверти какого-то немецкого шлягера – и гул голосов, а потом дверь снова закрылась. Ни у кого не хватило смелости выйти покурить на улицу. Вехтер пошел быстрее, под ногами уже не скрипел снежный наст – он примерз коркой к мостовой. Фонари напрасно освещали улицы: погода вымела всех прохожих метлой. Да это была уже и не погода вовсе, а какой-то разъяренный зверь.

Добравшись до квартиры, Вехтер первым делом включил обогрев на максимум. Если бы он ушел, оставив такой уровень обогрева, то домовладелец немедленно выставил бы его вон. А также из-за кип газет: Вехтер не успевал их прочесть и складывал в коридоре

аккуратными башнями. Комиссар склонил голову набок и посмотрел на них. Сегодня он непременно прочтет сразу две, тогда одна газета останется в запасе. Теоретически такими темпами можно было бы разгрести эти кучи за несколько месяцев. В общем, он уже отставал на восемь штук. В действительности отставание исчислялось уже 267 газетами, но комиссар каждый месяц обнулял счет, чтобы не пропадала мотивация.

Вехтер прошел по квартире узкой протоптанной тропкой, глядя на заляпанное ковровое покрытие. Он брел, словно по просеке. Следовало только держать свободной эту тропку, и все было в порядке. Иногда он даже проходил по ней пылесосом, не глядя ни влево, ни вправо. Там стояли вещи, собранные тремя поколениями: в самом низу – картонные коробки из родительского дома, сверху – его собственные. Папки с бумагами, книги, пластиковые бутылки, виниловые пластинки, которые невозможно было слушать без проигрывателя, компакт-диски без коробочек, документы, пожелтевшие по краям, и другие предметы, такие таинственные и непонятные, что Вехтер, лишь мельком взглянув на них, тут же о них забывал. От мыслительного процесса уставал каждый мускул его тела. Какая бы вещь ни оказалась в стопке, куче или на полке, она тут же исчезала из поля его зрения, становилась бесполезной. Вехтер был царем Мидасом бесполезных вещей. Если бы квартира сгорела дотла, чего он лишился бы? Пива в холодильнике, тропы к кровати да пяточка размером с его задницу напротив того места, где стоял телевизор.

Кухонный стол был завален горами посуды, недочитанными газетами и вещами, которые он хотел отремонтировать на следующих выходных. Пакет с покупками остался нетронутым. Где же найти время, чтобы съесть продукты? Из пакета доносился запах забродивших мандаринов. Он должен с этим разобраться. Просто должен, и все тут.

Нужно было аккуратно поставить тарелки на угол раковины, чтобы достать кусок сливочного масла и копченой колбасы из холодильника. Вехтер развалился на диване с закусками и чтивом, нажал на пульт дистанционного управления.

Старый телевизор с трубкой зашипел и потом все же включился. На третьем канале шло ток-шоу. Какой-то знаменитый артист, которого Вехтер не знал, рассказывал истории из своей жизни. Хорошо, когда тебе есть что рассказывать! Комиссар переключал дальше, пока не нашел на каком-то канале футбольный матч. Он отрезал кусок колбасы и надкусил лепешку. Раньше он жил так, как другие. Но у всех разные пути.

Теперь у других своя жизнь, а у него – копченая колбаса. Отопление шумело, но теплее не становилось, просто не могло стать теплее. Вехтер отодвинул непрочитанный разворот «Зюддойче цайтунг»: глаза горели от усталости. В памяти вдруг без предупреждения всплыло лицо мальчика, которого они сегодня вытащили из подвала. Следовало бы за ним присматривать. Но никто за ним не смотрел.

Сколько же ему лет? Тринадцать? Четырнадцать? Примерно такого же возраста, как... Вот и другие воспоминания возникли, как непрошенные гости, но комиссар включил телевизор погромче и отказался обращать на них внимание. Это был мысленный хлам, и он убрал его туда, где ему и надлежало быть. В третью комнату.

Глава 2

День 2. Рыхлый снег

«Почему у меня больше ничего не болит?» – спрашивал себя Оливер. Без боли он чувствовал себя невесомым. Боль по крайней мере давала понять, что он все еще на этом свете. Она была настоящей. Оливер уже давно не был уверен в том, что настоящее, а что нет. Мальчик осторожно выпрямил руки и ноги так, чтобы не вызвать адского приступа боли, и ничего не ощутил. Он повернул голову – и комната закачалась. Правая рука торчала из шины, пальцы онемели, в них покалывало, когда Оливер пытался ими пошевелить. Прозрачная жидкость сочилась по трубке капельницы через иглу в тыльной стороне его ладони. Это все на самом деле или..?

Ночью ему снились сны: будто он лежит голый на носилках, а какой-то человек в белом халате ощупывает его, фотографирует его тело и что-то говорит в диктофон.

«Только не проводите вскрытие! Я еще живой!» – хотел закричать Оливер, но со стороны можно было заметить лишь дрожь его век. И вдруг словно молния ударила прямо перед лицом: он осознал, что это не сон.

Оливер не представлял, как попал сюда. Никто еще не успел распилить ему череп, на нем было нечто похожее на ночную рубашку, в палате было светло и тепло. Только паника осталась где-то внутри. Она лежала на его ребрах, как свинцовый шар, и исчезала медленно. Старые и новые обрывки воспоминаний выплывали из глубины и сначала казались забытым сном. Чья-то рука схватила его за волосы и дернула. Шаги за спиной, кровь, сочащаяся по половицам. Все на миг стало холодной, почти осязаемой реальностью, а после обрывки исчезли. Оливер вновь не мог понять, что произошло на самом деле. В этом он не был уверен.

– *Не спрашивать, не отвечать, не думать, только существовать, тело в питательном растворе,* – говорил ему Аспид. Забавно, что Аспид сейчас взял на себя мыслительный процесс. Должно быть наоборот, Оливеру нужно думать, а Аспиду – трепыхаться, дрожать, прятаться.

– *Притаись,* – шептал Аспид. – *Иначе они вернутся, эти воспоминания, и тогда ты этого не переживешь, просто не выдержишь теперь.*

Ханнес выскочил из «лендровера» и оказался по колено в снегу.

– Вот дерьмо!

Холод снежных сугробов, которые он сгреб в сторону, пробирался в его «мартинсы». Ханнес попробовал стряхнуть налипший снег, но это уже не помогало. Он посмотрел на наручные часы и попытался разглядеть стрелки в свете фонаря, но увидел лишь блики на стекле. Потом он достал мобильный. Беспощадные шесть часов тридцать две минуты утра. Хлопья таяли на экране, и Ханнес вытер телефон о куртку, но от этого лучше не стало. Времени, чтобы переодеться, совсем не осталось. Теперь придется целый час ехать в город в мокрых джинсах. И все равно он опоздает. Каждый раз при плохой погоде повторялось одно и то же. Ему стоило остаться вчера в участке, поработать в своем кабинете и лечь спать на туристическом коврике, вместо того чтобы в шесть часов утра, сжимая в окоченевших руках лопату, пробиваться через сугробы к машине. И пусть теперь Йонна останется одна. Она все равно была одна. Йонна и дети спали, когда он приехал домой, и они все еще спали, когда Ханнес встал. По крайней мере ему удалось принять душ. Он мылся целых полчаса, пока ванна не превратилась в наполненную паром сауну. Но запах крови все еще преследовал его, забивал все остальное, даже у эспresso был металлический привкус. Теперь кофе сражался в желудке с желудочными соками. Стоило бы позавтракать. Но как он будет есть, когда перед

глазами все время всплывает торчащий обрезок артерии? Он как-то спросил Вехтера, когда на все это перестаешь обращать внимание? Коллега взглянул на него с каменным лицом и ответил:

– Когда придет время и ты уйдешь из комиссариата на другую работу.

Радужные перспективы. Ханнес непременно хотел попасть в одиннадцатый отдел, и Вехтер протащил его туда, даже вопреки возражениям начальника уголовной полиции Целлера. С того дня Ханнес старался не разочаровывать Вехтера.

Несколько взмахов лопатой – и машина свободна. Хотя бы коридор от гаража к дороге был расчищен. Слева и справа в свете фар блестели полуметровые сугробы. Сегодня вечером въезд опять заметет. Возможно, Ханнесу удастся выехать, но вернуться он уже не сможет.

– Ничего себе, это, оказывается, ты, пап. Доброе утро.

Ханнес не услышал, как дверь дома распахнулась. В освещенном прямоугольнике двери стояла Лили, кутаясь в халатик, который подолом подметал пол.

– Что ты делаешь на улице? Иди в кровать, ты разбудишь малышей!

Она оперлась на дверной косяк.

– Я просто хотела взглянуть, кто это так шумит.

– Теперь ты знаешь. Закрывай-ка дверь, она именно для этого в доме предусмотрена. Так тепло лучше сохраняется. – Он дал пинка лопате, но лопата победила.

– О да, твой священный дом, – произнесла Лили так язвительно, как это умеют только подростки.

– Если тебе на самом деле интересно, то мой священный дом принадлежит банку.

И земля принадлежит банку. И машина принадлежит банку. Да и его задница принадлежит банку. И лучше не вспоминать об этом, иначе начинает кружиться голова.

– Я вот пытаюсь отправиться на работу, как и все остальные. А ты в это время должна готовиться к школе, поэтому не задирайся.

После рождественских праздников Лили так ни разу и не появилась в школе. С тех пор они ждали, что мать Лили заберет ее обратно. Или по крайней мере ответит на звонки.

– Пожалуйста, возьми ее к себе хотя бы на праздники, – попросила Аня по телефону. – Мне нужно уехать на несколько дней без Лили.

И больше она не брала трубку. Лили была теперь словно матрос, потерпевший кораблекрушение.

– Не можешь дождаться, пока я уберусь отсюда, да? – Лили плотнее закуталась в халат, из-под которого показались ее босые ноги. – Не бойся, я здесь не останусь. Я ведь не хочу ходить в одну из ваших дерьмовых деревенских школ. И что мне здесь делать? Груши окочалчивать? Я хочу домой.

– Лили, мне нужно... – Ханнес снова взглянул на циферблат. Шесть часов тридцать семь минут. Зря он туда посмотрел.

– Поняла уже. Я тебе мешаю и должна убираться вон.

– Лили...

– Мама скоро заберет меня, тогда я перестану путаться под ногами у вашей классной, биологически правильной супер-семейки. Она заберет меня. Скоро. Я уверена.

В двери щелкнул замок. За окном на втором этаже заревела Лотта. Ханнес забрался на водительское сиденье и несколько секунд провел в полной тишине, наедине с растаявшими снежинками, влага которых просачивалась сквозь джинсы. Белые точки плясали на лобовом стекле. Он почти поверил, что видит звезды, но с черного неба все валил и валил снег.

В воздухе поднимался пар. Затхлый запах мокрых пуховиков, кофе и зубной пасты витал в комнате для совещаний – все это не могло заставить забыть о недостатке сна. Кто-то открыл окно, но его тут же пришлось закрыть после волны протестов и возмущения.

При минус пятнадцать это было уже не проветривание – просто борьба за жизнь. Зашуршали бумажные пакеты для выпечки, а в соседней комнате преклонного возраста кофемашина издала звук *тр-р-р-х*. Этот звук каждый день наполнял Вехтера благоговейным спокойствием. Он удивлялся тому, что после четырех часов сна чувствует себя весьма бодро. Для него бессонные ночи были тяжким испытанием. На следующий день он готов был биться головой о стену. Ханнес же, напротив, мог свободно обходиться без сна трое суток, а уж после начинал нести всякую околесицу и часто засыпал прямо за рабочим столом. Куда же он, черт побери, подевался? Здесь слишком много людей. Обычно Вехтер сидел со своей основной командой обособленно, большие совещания возглавляла начальница комиссии по расследованию убийств. Не в первый раз Вехтер пожелал, чтобы она оказалась тут. Специальная комиссия на Принцрегентенштрассе должна была заседать без него. Если им повезет, дело распутают уже на этих выходных.

Вехтер отпил кофе и включил проектор.

– Мы имеем дело с Розой Беннингхофф: сорока семи лет, незамужняя, работала адвокатом.

Проектор на растянутом экране показал портрет блондинки со стрижкой «паж» – фото на документы, которое они нашли в ее компьютере. В комнате зашептались. Это все из-за ее глаз: их запечатлела камера, и теперь, на экране, представленные крупным планом, они выглядели впечатляюще. Вехтер еще в квартире обратил внимание на ее глаза – словно синий лед, – а теперь, с фотографии, они будто пронизывали зрителей насквозь. Они напомнили Вехтеру взгляд северных ездовых собак. Он убрал изображение еще живой Розы Беннингхофф. За ним сразу последовали снимки с места преступления. Некоторые полицейские свернули пакетики с выпечкой; он не мог на них за это сердиться. Хорошо, если на этом все кончится.

– Вероятно, она истекла кровью очень быстро: ей перерезали сонную артерию, так сообщил нам доктор Бек из отдела судебной медицины. Мы не обнаружили никаких следов сопротивления и никаких следов незаконного проникновения в квартиру. Орудие убийства... Элли, ты этим занимаешься. Тебе есть что сообщить?

Элли покачала головой. Она выделялась среди коллег цветом зимнего пальто – ярко-красное пятно на темном фоне.

– Когда бы я успела? Ты шутишь, я только час назад обо всем узнала! – Она постаралась спрятать глубже под стул свои ноги в сапогах с десятисантиметровыми каблуками.

Когда Вехтер наконец дозвонился до нее, где-то на заднем плане он уловил громкие басы клубной музыки и немного ей позавидовал. Хотя нет, то была не зависть. Но сейчас не время для этого.

– Тебе идут эти сапоги. Значит, на месте орудия преступления мы не нашли. Бек нам точно скажет, что следует искать, возможно нож. Элли, это твоя работа.

– Где начальница? – спросила Элли.

– Она лежит в постели с температурой сорок. Угрожала начихать на каждого, кто попытается связаться с ней. Даже если убьют архиепископа⁵ или Беккенбауэра⁶.

– У нас ведь сейчас кардинал.

– Кто? Беккенбауэр? Рад за него, давно пора было. Нам в любом случае придется обходиться без начальницы, но мы справимся.

Дверь в комнату распахнулась. Может, это Ханнес? Но внутрь шагнул Целлер и сел на свободный стул недалеко от входа, не снимая длинного пальто. Что здесь забыл начальник уголовной полиции? Обычно его не увидишь на утренних обсуждениях, он не вмеши-

⁵ Епархии Мюнхена обычно возглавляют архиепископы или кардиналы. (Примеч. пер.)

⁶ Франц Беккенбауэр – знаменитый немецкий футболист и тренер, уроженец Мюнхена. (Примеч. пер.)

вается в оперативную работу. За кем он наблюдает? Неужели за самим Вехтером? Или это из-за того, что убита важная дама Беннингхофф? Целлер всегда разделял людей на важных и неважных. Начальник уголовной полиции осмотрел комнату, его взгляд скользил от сотрудника к сотруднику. Он примечал, кто присутствует, а кого нет. Вехтер продолжал, не обращая внимания на начальника:

– В подвале дома мы обнаружили человека, которого подозреваем...

Его прервал чей-то вздох. Вехтер обернулся к Целлеру: тот протирал очки.

– Не обращайтесь внимания, господин Вехтер.

Ага! Теперь они стали на «вы». Ему надо было переговорить с Берни, когда они еще стояли внизу.

– Подросток четырнадцати лет, Оливер Паскаль Баптист из района Богенхаузен. Допрашивать его мы пока еще не можем. Он лежит с тяжелыми травмами в больнице на правом берегу Изара. Травмы, вероятно, получены от побоев или во время борьбы.

Краем глаза комиссар заметил, что Целлер делает пометки. Ага! Значит, его интересует маленький Баптист, а не жертва.

– Отец мальчика, Лорен Баптист, подавал заявление о пропаже парня. До него мы еще не дозвонились. Мать умерла много лет назад.

Баптист... Баптист... Что-то знакомое. Необычная фамилия, которая снова мелькнула у него в голове. В газете, в разделе экономики, была статья о новых небоскребах на севере Мюнхена. «Баптист и партнеры», аудит предприятий. К маленькому Баптисту добавился теперь и большой.

– Элли, судмедэксперты уже сказали что-нибудь?

Она лишь подняла руки вверх:

– Я же говорила: когда бы я успела?..

– Тогда я лучше сам этим займусь. Мне все равно нужно в больницу, может, я еще застану там врача. Элли, ты поедешь со мной.

Дверь отворилась, на пороге комнаты для совещаний показался Ханнес и смахнул с головы снежинки.

– Извини, Вехтер, мне нужно было сначала расчистить выезд... – Он заметил Целлера и тут же умолк.

– Отлично, Ханнес. – Вехтер выключил проектор. – Мне от этого ни холодно, ни жарко. Поедешь со мной в больницу, тебе даже раздеваться не нужно. Элли вместо этого займется квартирой и соседями, которых еще не опросили.

В ответ Элли возвела глаза к потолку и отвернулась. Это не помогло: Ханнес нужен был Вехтеру в больнице. Он был в деле с самого начала и знал подозреваемого, Вехтеру не придется ему ничего дополнительно объяснять.

Все прочие задачи быстро распределили, комнату заполнил грохот отодвигающихся стульев и шорох курток. В людском водовороте возле Вехтера неожиданно оказался Целлер.

– Доброе утро, Михаэль.

– Вот как, ты снова вспомнил мое имя?

– Да ладно тебе, ты же знаешь, как все обстоит. Можно тебя на пару слов, пока ты не ушел? Ты ведь уже наверняка выяснил, кто такой Оливер Баптист...

– Да. – Вехтер резким движением застегнул молнию на куртке. – И ты даже не представляешь, насколько мне это безразлично.

Элли плюхнулась на один из освободившихся стульев, который под ее весом угрожающе скрипнул, и помассировала ноющие ноги. Ах, зачем она только надела эти сапоги на высоких каблуках! Она подумала, что никогда больше не выйдет в них на улицу, пусть ей даже придется бегать в перлоновых чулках.

Ну, прекрасно. Ханнес теперь отправится к главному подозреваемому, а ей придется торчать на месте преступления. Это ее немного задело. Элли не думала, что Вехтер поступил так намеренно, он на самом деле старался. Но иногда этих стараний было недостаточно. Элли сначала почувствовала нечто похожее на слабый укол в сердце, потом еще один и еще, пока не превратилась в настоящую куклу вуду. Как она только могла думать, что в отделе Михи хорошо работать? Очень плохая идея!

Было светло, но роллеты оставались опущенными, сквозь них пробивался свет прожекторов со стройки напротив. Пол на кухне покрывала засохшая красно-бурая кровь. Место было широко огорожено, и все же на нем виднелось множество следов и отпечатков обуви. Лишь светлое пятно и кое-какая разметка говорили о том, что здесь недавно кто-то лежал. Элли уже наловчилась не обращать внимания на приступы паники, то и дело охватывавшие ее, но все внутри кричало о том, что ей нужно бежать. Лишь от одного эффекта Элли никак не могла избавиться: она все видела словно издалека, но с этим можно было работать. Ведь орудие убийства пока что не нашли. Криминалисты упаковали в пакеты все ножи из квартиры, но ни один не подошел.

Элли взглянула на Хранителя Молчания. Он стоял на кухне, скрестив руки на груди, и осматривал место преступления или, по крайней мере, делал вид. У него было обычное имя – Ганс-Дитер Штаудингер. Но привычными мерками этого человека измерить было невозможно. Элли до сих пор не знала, был он гением или просто лентяем.

– ХМ, тебе в этой квартире что-нибудь бросается в глаза? – спросила она.

Он поднял брови и взглянул на пятно.

– Конечно бросается. Кровь.

– А кроме лужи крови? Что-нибудь замечаете?

Хранитель Молчания пожал плечами:

– Пф-ф-ф.

– Точно. Пф-ф-ф. Глазу не за что зацепиться. Все выглядит так, словно здесь никто и не жил никогда.

Элли припомнила свою комнату в общежитии: фотографии в рамках, коллекция деревянных статуэток животных, с которой она не могла расстаться, железная маркерная доска, на которой висели концертные билеты и неиспользованные планы diets, засохшая свинка из марципана, кучи выглаженного белья и стопки непрочитанных книг... Здесь же ничего подобного не было.

– Где же она хранит все свои вещи? То есть хранила, – поправила себя Элли.

Кухня сияла чистотой: никаких баночек с приправами, никаких перечниц, не говоря уже о грязной посуде. Итальянская кофе-машина для эспresso напрасно подмигивала зеленым глазом в ожидании, что ею воспользуется хозяйка. Лишь бокал для красного вина и газета лежали на стойке, как немой укор. Убитая оставила после себя беспорядок вопреки своим привычкам. А если помыть бокал и выбросить старую газету, то этим можно избавить ее призрак от мучений?

Хорошо, что привидений не существует.

– Это не квартира, а какой-то мебельный салон.

Элли встала и зашуршала целлофановыми бахилами по кухне-студии. На настенной полке стояли три подсвечника кремового цвета, идеально сочетавшегося с тоном кухонной мебели, а в них – целехонькие свечи. На стене висела единственная картина. Вся комната – словно декорация к фильму. Диван из кремовой кожи выглядел девственным. Не было и телевизора. В большинстве квартир жильцы оставляют после себя следы. А здесь – ничего. Кроме лужи крови.

– Ты, наверное, не хочешь со мной разговаривать, Роза Беннингхофф, – произнесла Элли. – Ты всегда желала создать хорошее впечатление, главное – аккуратная прическа и

словно приклеенная улыбка. Но ты впустила своего убийцу. Было в твоей жизни то, что ты не могла контролировать. И именно это мы и хотим найти. Извини, сестричка.

Никакого ответа. Ни дуновения, локоны Элли не шевельнулись. И в голову не пришла внезапно какая-нибудь идея. Призрак убитой женщины оказался таким же молчаливым, как письменный стол из тикового дерева у стены. На столешнице не было ничего, кроме монитора, – кто бы сомневался. Элли прочла в какой-то книжке, что люди делятся на тех, кто заваливает свой стол предметами, и тех, которые держат его пустым. Вехтер, например, относился к первому типу. Элли когда-то дала ему почитать книгу и не получила обратно, потому что он не смог ее отыскать на своей свалке.

Она осторожно выдвинула ящик стола. Здесь в полном порядке лежали карандаши и прочие канцелярские принадлежности, во втором ящике – бумага. Содержимое третьего ящика заставило Элли усмехнуться. Она подняла один из шоколадных трюфелей, выкатившихся наружу.

– Что у тебя тут, Роза Беннингхофф? – произнесла Элли, повертев в пальцах, затянутых в перчатки, шарик в золотистой фольге. – Все-таки у тебя была одна слабость, которой ты не могла противостоять.

Элли открыла ящик шире и хотела вынуть его из направляющих, но деревяшки за что-то зацепились и застряли. Все же вытащив ящик почти целиком, Элли просунула руку в щель, пытаясь понять, за что он зацепился, – может быть, там засел карандаш или блок стикеров. Пальцы нащупали кусочек картона, и она извлекла его наружу. Фотография. Фотография на паспорт, черно-белая, на ней – мужчина. Немного угловатое лицо, словно выпавшее из времени. На оборотной стороне снимка значилось: «О. Паульсен». Буквы, выведенные карандашом, выцвели и поблекли. Никакой даты.

– Взгляни-ка, ХМ, это интересно.

Хранитель Молчания посмотрел ей через плечо и фыркнул сквозь зубы. Элли сунула фото в пакетик для улик.

– Единственная личная вещь во всей квартире.

Ее взгляд упал на картину на стене. Оригинал, нарисован красками. Элли встала напротив и склонила голову набок. Не могло оказаться совпадением то, что в этой бежевой мешанской берлоге висела настоящая картина – роза, нарисованная чувственными мазками на белом фоне. Картина совершенно не подходила к интерьеру.

Роза Беннингхофф очень хотела обезличить все вещи и жилище в целом. Никаких снимков не висело на стенах, ничего, кроме этой пошлой мазни. В подобной квартирке ожидаешь увидеть простенькие картины из магазина «ИКЕА» с напылением на стекле или плакат выставки, которую никогда не посещала хозяйка. Картина должна была что-то значить для нее. Первый признак того, что убитой был небезразличен какой-то предмет. Или человек.

В нижнем углу виднелась подпись. Элли подошла так близко, что могла различить отдельные мазки кисти и наплывы краски, которые покрывали буквы.

– Плннннн... – читала она вполголоса, но не смогла расшифровать подпись. – Ну его в пень. Для этого есть специально обученные люди.

Элли подтянула перчатку и взялась за раму обеими руками. Картина висела на двух гвоздиках и без труда снялась со стены.

– Теперь нам понадобится очень большой пакет для улик, – крикнула она в соседнюю комнату.

И тут на пол спланировал листок, шурша, словно снежинка, падающая на сухую листву.

Элли прислонила картину к стене и взяла листок за угол двумя пальцами. Бумага пожелтела, чернила поблекли. И все же ей удалось разобрать корявые и неумелые, но старательно выведенные буквы почерка того, кто писал очень редко: «Навеки. О.».

Навеки. Это очень долго. Пока смерть не разлучит нас. Бумажка выглядела старой, но ею нельзя было пренебрегать. Может, здесь есть какая-то связь. Они должны были изучить личную жизнь Розы Беннингхофф до мельчайших деталей. Нарисовал ли эту картину О. Паульсен? Элли вложила листок в пакет для улики и осторожно разгладила. Кто-то из них в ближайшие дни отправится к экспертам-искусствоведам. Элли не покидало предчувствие, что это будет именно она.

– Эй? – раздался низкий хриплый женский голос.

Она обернулась. Посреди комнаты стояла женщина в зимнем пальто. Ее лицо испещрили морщины, словно она совсем недавно сбросила немало килограммов. В руке она держала трость. Только присмотревшись, Элли поняла, что женщине не больше сорока.

– Что здесь произошло? – Взгляд незнакомки застыл на высохшем пятне крови, она в ужасе прикрыла рот ладонью.

Элли бросилась к ней, пытаясь выпроводить наружу.

– Вам нельзя здесь просто так расхаживать. Как вы сюда попали?

– Я здесь живу. Я соседка, Джудит Герольд. Внизу полным-полно полиции. Я думала... вори... Я увидела открытую дверь. Что с Розой?

– Элли Шустер, уголовная полиция Мюнхена. – Она вытолкала соседку в коридор, чтобы та больше не следила в квартире. – Вы хорошо знали госпожу Беннингхофф?

– Она моя лучшая подруга.

– Госпожа Герольд, – Элли тяжело вздохнула, – я думаю, нам с вами нужно поговорить.

Вехтер колебался, но потом все же подошел ближе и наклонился над кроватью. Он редко посещал больницы, но когда попадал туда, то всякий раз удивлялся, как мало меняется в этом мире: койки с решетками по бокам, устройство для выпрямления позвоночника, кнопка экстренного вызова медсестры.

– Оливер?

Сероватый утренний свет падал на его лицо и подушку. Если бы не эти трубки в носу, ребенок из подвала выглядел бы вполне обычно. Его белокурые локоны разметались, из-за чего он казался еще моложе, чем представлял себе Вехтер. Бледные веснушки покрывали его нос и щеки. Зимние веснушки. Сестра сообщила, что мальчика разбудили, но ни о каком осмысленном разговоре не может быть и речи. Подросток пребывал в полудреме, глаза его были едва открыты. Синие пятна покрывали руки, торчавшие из рукавов больничного халата. Никто не принес его вещи. Коллеги из патруля обнаружили, что дом его родителей заперт и пуст, лишь велосипед кто-то бросил на въезде. Его уже припорошило свежим снегом. Никаких следов отца. Мог ли кто-то искать мальчика?

– Оливер, ты слышишь меня?

Оливер Баптист повернул голову, ресницы его дрогнули. Он переводил взгляд с Вехтера на Ханнеса и обратно, на его лицо легла тень.

Вехтер подтащил стул и сел рядом.

– Я знаю, что ты плохо себя чувствуешь. Но не мог бы ты все-таки ответить на несколько вопросов?

Мальчик покачал головой и, совсем как ребенок, закрыл глаза рукой. Его предплечье было усеяно тонкими красными полосками – порезами. Одни зажили, другие покрылись коркой запекшейся крови, воспалились на пересечениях. Вехтер заставил себя внимательнее приглядеться к ним. Шрамы, казалось, были сделаны в разное время, некоторые – неделю, а может, и месяц назад, некоторые заклеены пластырем. Он осторожно взял мальчика за руку. Оливер резко отдернул руку и прищурил глаза. Они были светлыми, с прозрачной радужкой.

Если бы только можно было посмотреть сквозь них и заглянуть в его голову...

– ...в покое, – произнес он шепотом. Вехтер смог прочесть это слово по губам.

– Ты можешь ничего не говорить, если тебе тяжело. Мы просто хотим выяснить у тебя кое-какие безобидные подробности. Например, где твой папа?

«А также: почему ты прятался в чужом подвале? Устроил ли ты сам эту кровавую баню? Ты преступник или жертва? Или и то и другое? Часто одно от другого не отличить», – такие безобидные вопросы вертелись в голове у Вехтера.

Мальчик покачал головой, закрыл глаза и отвернулся.

Ханнес пожал плечами:

– Это бесполезно. Пойдем.

Вехтер вздохнул. Ханнес прав, они лишь попусту тратят здесь время. Комиссар еще раз наклонился к мальчику:

– Оливер, мы сейчас оставим тебя в покое. Как только ты захочешь с нами поговорить, просто вели позвонить нам, в любое время. Наш коллега сидит снаружи возле палаты. Мы приедем снова.

Комиссар старался, чтобы эти слова не звучали как угроза. Да, наверное, они приедут снова. Они не могут просто оставить его в покое – нет, пока не выяснится, как на его руках оказалась кровь и чья она.

Полицейские уже подошли к двери, как вдруг впервые услышали голос мальчика, тихий, едва слышный, словно мысль:

– ...не вспоминать.

Вехтер обернулся:

– Что ты сказал?

– Прочь... все прочь...

Оливер попытался развернуться к ним, его лицо исказилось гримасой, грудная клетка то поднималась, то опускалась рывками.

Вехтер вернулся назад, к постели:

– А что было последним? Что ты помнишь?

– Помнишь? – Оливер устремил взгляд на потолок, и Вехтер испугался, что мальчик опять отключится.

– Оливер, что ты помнишь?

– Я не знаю, я... Ничего.

Его голова вновь упала на подушки.

– Оливер? Оливер?

Вехтер осторожно дотронулся до плеча мальчика, хотя и подозревал, что напрасно. Это был короткий проблеск, во время которого Оливеру захотелось выговориться, и они его упустили. Мальчик снова заснул или сделал вид. Или боролся со сном.

Вехтер не заметил, как открылась дверь. Комиссар ощутил спиной дуновение прохладного воздуха, и позади раздался мужской голос:

– Что вы делаете с моим сыном?

Его рука незаметно дрожала. Но краски расплывались на холсте, превращая лепестки в красные бесформенные пятна. Они увядали. Паульссен видел это в своем розарии, расположенном на стенах и на полу. Старые картины были идеальными, а на новых розы словно одолевала какая-то болезнь, из-за которой обвисали бутоны цветков, размывались контуры. Трemor стал сильнее, он вгрызался в него в одном месте под ребрами, затем охватывал все тело, пожирая его, как язва. Внутренняя дрожь не давала ему спать по ночам. Паульссен удивлялся, как человек может так дрожать внутри, а снаружи при этом ничего не видно. Он ни слова не сказал сиделке. «Обычное возрастное явление», – так ответила бы она и добавила бы в его коробочку еще одну яркую пилюльку, которая разъедает стенки желудка. Нет, он догадывался, откуда исходил этот трemor и когда появился. Он возник, когда здесь побывали

посетители. Чуть. Никто не посещал его, да и зачем? Паульсен все еще мог держать руку ровно, а когда закрывал глаза и глубоко дышал, то вспоминал другое время и другую жизнь. Ему казалось, что эта жизнь давно забыта, ее очертания размылись, как розы на холсте. Он убедился, что дыра в памяти все еще на месте. Она – его страховка. Мозг был послушным, он забывал и забывал. Осталась лишь дрожь, которую посетители принесли и оставили. Эта тварь виновата во всем.

В два шага мужчина оказался у кровати Оливера. Следом за ним грохотал чемодан на колесиках, а вокруг него распространялся аромат лосьона после бритья от «BOSS». В один миг в больничной палате стало тесно.

Ханнес предъявил ему удостоверение:

– Уголовная полиция Мюнхена, комиссия по расследованию убийств. Моя фамилия Брандль, это мой коллега Вехтер. Вы отец? Господин Баптист?

Мужчина обернулся и выпрямился во весь рост. Он был как раз Ханнесу по плечо, и все же полицейский отступил на несколько шагов. От господина Баптиста распространялась волна агрессии.

– Я получил ваше сообщение на автоответчике. Что случилось с моим сыном? Что вы с ним сделали?

Ханнес пропустил его вопросы мимо ушей. Не отвечать на встречные вопросы – он всегда помнил это правило. Это все равно что разговаривать с самим собой в лесу.

– Давайте выйдем за дверь и продолжим беседу снаружи.

К облегчению Ханнеса, Баптист последовал за ним по коридору в комнату ожиданий, не говоря ни слова. Из-за своей осанки он казался намного выше ростом, руки согнуты в локтях, ноги крепко упираются в пол. Все говорило о том, что он только что вернулся из командировки: слишком сильный запах лосьона, недостаток сна, кисловатый кофе – так пахнет аэропорт утром, в половине шестого, у регистрационной стойки.

– Мы пытались до вас дозвониться. Где вы были вчера вечером и сегодня утром?

– Какое вам дело?

Ханнес покачал головой и упрямо повторил вопрос:

– Где вы были?

– Я прибыл прямо из Франкфурта. Прослушал аудиосообщения и приехал прямо сюда.

– Мы нашли вашего сына вчера. Он ранен, – произнес Ханнес. – Вы сможете прямо сейчас поговорить с врачом. Только сначала нужно заполнить анкету с персональными данными.

Баптист склонил голову набок и недоверчиво взглянул на полицейского:

– С какой целью?

«Вот тебе раз. Коллега. Не стоило ввязываться в игру “Кто быстрее подберет нужные параграфы”. Я все равно ее проиграю», – с горечью подумал Ханнес.

Но Баптист был и заботливым отцом, сын которого лежал сейчас в больнице. Хотя Ханнесу с трудом давалось сочувствие, он пытался говорить как можно спокойнее:

– Господин Баптист, я предлагаю объединить наши усилия. Так вы быстрее сможете позаботиться о своем сыне.

– Почему со мной обращаются как с преступником? Как он себя чувствует? Когда сможет вернуться домой? – Он отлично говорил по-немецки, но с какой-то певучей интонацией и акцентом. Ханнес припомнил, что у мальчика нашли французский паспорт.

– Мы из комиссии по расследованию убийств...

Баптист провел ладонью по лицу:

– Комиссия по расследованию убийств? Я не понимаю...

– Вам о чем-нибудь говорит имя Розы Беннингхофф?

– Да, *pourquoi*?⁷ Какое до этого дело полиции? – Он опустился на пластиковый стул и провел рукой по волосам.

– Вы ее знаете? – спросил Ханнес.

– Госпожа Беннингхофф была моей спутницей жизни. – Он склонил голову, взгляд устремился в одну точку.

Он знал это. Не то, что эта женщина мертва, а то, что через секунду он превратится в главного подозреваемого. Именно он является связующим звеном между мальчиком в подвале и убитой. Она была мачехой Оливера. Неужели злой мачехой из сказки?

– Она *была* вашей спутницей жизни?

– Мы расстались несколько месяцев назад. Почему... Что с ней? С ней что-то случилось?

Баптист огляделся в пустой комнате ожидания, словно внезапно осознал, где находится. Он постоянно моргал. Этот взгляд был давно знаком Ханнесу: безумная надежда, что все это окажется просто ужасной ошибкой.

– Мне очень жаль, – ответил полицейский, разрушив последние сомнения, – госпожи Беннингхофф нет в живых.

Баптист разом осел. Просто вдруг превратился в маленького человечка с темными кругами под глазами. Он смотрел в пустоту, словно не слышал Ханнеса. Потом кивнул.

– Господин Баптист, боюсь, нам придется проехать в управление.

– Я хочу еще раз повидать сына.

Полицейские подождали его у двери. Баптист склонился над спящим мальчиком, взял его руку, словно та была из фарфора, и заговорил по-французски:

– *Tout s'arrangera. Tout s'arrangera.* Все будет хорошо.

– Входите.

Трость Джудит Герольд стучала по паркету. Она сложила ее и оставила в гардеробе, легко продолжив путь и без нее. Пальто женщина уже сняла, еще до того, как Элли догадалась помочь ей. Она оставила лишь шелковый шарф: он придавал женственности ее угловатому лицу. Джудит была моложе, чем казалось на первый взгляд. Рано состарилась.

– У вас тут уютненько, – произнесла Элли, осматриваясь в квартире. – Не так стерильно, как у... – Она вовремя успела остановиться. Джудит Герольд сделала вид, что ничего не услышала.

Хранитель Молчания лишь хрюкнул, что могло означать как одобрение, так и презрение, и без приглашения плюхнулся на диван, широко расставив ноги. Если квартира убитой напоминала мебельный салон, то эта, несомненно, походила на музей.

До самого потолка возвышались стеллажи, набитые всяким добром; предметы, казалось, были собраны здесь без всякой системы. Две стены жилой комнаты занимали книжные полки. Рядом со швейной машинкой лежали стопки ткани, которые охраняла статуэтка Будды. Освещенная лампой с плафоном из рисовой бумаги, в одном из сервантов поблескивала оловянная посуда из Азии.

Джудит Герольд заметила взгляд Элли.

– Не обращайте внимания на беспорядок. Я собираю такие штуки, дальние поездки мне всегда были не по карману, но с этими предметами я хотя бы могу пофантазировать о Таиланде и Камбодже... – Ее голос осип, словно хозяйка внезапно осознала, насколько ничтожны все эти безделушки. – Что там с Розой? Она мертва?

Элли вздохнула, радуясь в душе, что не придется смягчать ужасную новость. Слова всегда звучат фальшиво, не важно, какие формулировки ты подбираешь.

⁷ А в чем дело? (фр.) (Примеч. пер.)

– Да. Примите мои соболезнования.

Женщина отвернулась, чтобы Элли не видела ее лица.

– Спасибо.

– Я могу задать вам несколько вопросов? Или нам стоит прийти в другой раз?

– О нет, не нужно в другой раз. Если и задавать, то прямо сейчас...

– Вы ее хорошо знали?

– Она моя лучшая подруга... была. – Джудит Герольд снова повернулась к Элли, ее глаза были полны печали. – Мне стоило бы сказать «моя единственная подруга». Мы часто встречались и готовили вместе или выходили пройтись. Да мы почти жили вместе.

Наконец-то нашелся человек, который мог им хоть что-то рассказать о Розе Беннинг-хофф. Возможно, подруга окажется не такой немой, как квартира убитой.

– Хотите кофе?

– Не откажусь. – Элли встала. – Могу ли я воспользоваться вашим...

– Конечно.

По дороге в туалет Элли сделала вид, что заблудилась. Никогда не повредит разглядеть все поближе. Осмотрев квартиру, поймешь и человека. Эти апартаменты были меньше соседних. Они включали две комнаты, а также старомодный неприглядный туалет с душевой кабинкой и кухню. И здесь на потолке виднелась покрашенная штукатурка, только она облупилась по углам, чего не было в соседней квартире. Сквозь щели в старых деревянных рамах заметно задувало с улицы. Стены второй комнаты тоже оказались заставленными полками и шкафами, отчего у Элли лишь усиливалось впечатление, что она находится внутри башни.

Когда она вернулась в комнату, Джудит Герольд молча сидела там. Завидев Элли, женщина без лишних просьб продолжила рассказ:

– Прошлую ночь мне пришлось провести в клинике для обследования, я вернулась лишь сегодня. Мне нужно время от времени... – Она потупила взгляд. – Хроническое заболевание.

– Надеюсь, у вас все в порядке, – произнесла Элли из вежливости.

Джудит Герольд уставилась на нее, а потом гулко рассмеялась:

– О да. Все в порядке. Все как нельзя лучше.

Элли не стала уточнять, но вспомнила о трости. Она взглянула на ноги женщины. Ее джинсы были немного длинноваты, в самом низу растаявший снег с тротуара оставил мокрые полумесяцы. Ни Джудит Герольд, ни ее квартира не были типичными для Богенхаузена.

– Здесь элитный район. Рента, наверное, очень высокая?

Хозяйка снова рассмеялась, уголки ее рта при этом опустились вниз.

– Еще несколько лет назад все было нормально, но сейчас цены на аренду взлетели до небес. Многое изменилось. Со мной договор об аренде тоже расторгли. Но я, по крайней мере, выбила хорошую компенсацию. Теперь у меня на примете новая квартира.

– А как с этим обстояли дела у вашей подруги? Она тоже хотела съехать?

– Она подумывала купить эту квартиру. Так обстояли дела в последнее время.

Значит, у убитой имелись средства. Квартира в районе Богенхаузен для Элли, рядового сотрудника полиции, была такой же недостижимой мечтой, как и прогулка в открытом космосе. Как и для Джудит Герольд. Она не была ровней своей подруге.

– Пойду посмотрю, что там с кофе. – Хозяйка устало поднялась с кресла.

Элли подскочила:

– Сидите, сидите. Я найду все сама.

Дверь на кухню до конца не открывалась. Элли протиснулась мимо коллекции стульев с блошиного рынка, которые загромодили почти все пространство на кухне. Неужели эта женщина каждый день сидела на новом месте, словно безумный шляпник из «Алисы в Стране Чудес»? Иначе зачем ей шесть стульев? Элли вынула из кофе-машины кофейник и поставила

его на поднос, а рядом – баночку со сливками. Все чашки в верхнем шкафчике были получены благодаря рекламным акциям, судя по надписям на них. Рядом стояли стаканчики для глинтвейна, приобретенные на разных рождественских ярмарках. Элли взяла тот, на котором значилось «Констанц 2004». В ящике кухонного стола она наткнулась на пару консервных ножей и четыре открывалки. В таком хозяйстве, наверное, можно найти и параллельную вселенную, в которой имелись бы собственные открывалки. Это была кухня, в которой готовят. Аромат индийских пряностей с открытых полок смешивался с запахом кофе. Элли глубоко вдыхала, чтобы избавиться от зловония места преступления, словно прилипшего к ее слизистым оболочкам. Она начинала понимать, почему Роза Беннингхофф чувствовала себя хорошо в этой квартире, на разнообразных стульях за деревянным столом, на котором свечи оставили восковые следы. Элли вернулась в комнату с подносом в руках.

– Когда вы в последний раз говорили со своей подругой?

Джудит Герольд вдруг задумалась, слишком долго постукивая ложечкой о стенки чашки.

– Вчера. Мы коротко поговорили по телефону.

– Вам во время этого разговора ничто не показалось странным? Может, ваша подруга упомянула, что у нее намечается встреча, или была необычно взволнована?

– Мы должны были сегодня встретиться... должны были... Планировали готовить суши, этим можно заниматься только у нее на кухне. Нет, все было как всегда.

– Вы с ней давно знакомы?

– Три с половиной года. – Джудит запрокинула голову. – Она была моим адвокатом в одном гражданском деле. Я хотела, чтобы его вел человек, которого я хотя бы знала в лицо. А Роза ведь жила в этом доме.

– И вы выиграли дело?

– Нет.

– И, несмотря на это, вы все же подружились?

– Вам любопытно, почему столь именитая защитница подружилась с такой неудачницей, как я?

Элли замахала руками:

– Нет, нет, я не это имела в виду.

Джудит Герольд снова горько рассмеялась:

– Ничего страшного. Вам же полагается задавать подобные вопросы. Честно говоря, я сама себя часто об этом спрашивала. Думаю, она была самым пропащим человеком, которого я когда-либо знала.

Баптист расхаживал по коридору перед комнатой совещаний, словно по собственному кабинету, и громко разговаривал по телефону со своим адвокатом. При этом он сам был юристом. Неужели он не доверял своим знаниям? Ханнес использовал это время, чтобы проверить на ноутбуке то, о чем говорил этот француз. «Баптист и партнеры», аудит предприятий, консультации по вопросам менеджмента, консультации по налоговым вопросам, в общем – полный комплект. Баптист никогда не занимался канцелярской работой: фирма не относилась к гигантам этой отрасли, неоновой рекламой которых блистали офисные здания Мюнхена, но она уверенно завоевывала рынок. Интернет-поисковик выдал ссылки на мюнхенские фирмы. Те самые. И к тому же эта контора решала юридические вопросы с больничной кассой⁸, страховками, научно-исследовательскими институтами, такими как «Бетатех». Теперь Ханнес понял, почему сегодня утром на совещании нарисовался Целлер. Разумеется, не из-за убитой женщины. Ханнес проверил фамилию Баптиста по внутренней базе данных:

⁸ Государственная медицинская страховка в Германии. (Примеч. пер.)

пару раз превысил скорость, но в целом чист. На имя сына не было ничего. Совершенно обычный школьник.

Дневного света уже не хватало, и он щелкнул выключателем. Трубки неоновых ламп затрещали и загудели, некоторые так и не зажглись. День почти угас, а они так и не продвинулись в деле, и там, снаружи, напрасно тратил свое время этот тип. Голос Баптиста то приближался, то удалялся, затихая и становясь громче. Остальные члены комиссии по расследованию убийств разъехались, чтобы опросить свидетелей. Вехтер отправился на место преступления, а с Ханнесом остался обычный полицейский, которого он не знал. Этот помощник лишь включал и выключал запись на диктофоне. Почти никого не осталось.

Дверь распахнулась, и Ханнес быстро опустил крышку ноутбука.

Баптист остановился перед ним и бросил на стол связку ключей.

– Я уверен, вы тоже хотите сэкономить время. Вчера я был во Франкфурте, переговоры длились целый день. Я вернулся лишь сегодня утром. Войдя в дом, я сразу прослушал автоответчик, после чего немедленно отправился в больницу. Теперь я хочу знать, когда же я смогу забрать сына домой?

– Эй, не так быстро. – Ханнес поднял руки. – Вашего сына нельзя так просто забрать домой.

И не потому, что Ханнес хотел этому помешать: нельзя, пока не станет ясно, что мальчик делал в этом доме. На его руках была засохшая кровь. При таких обстоятельствах Баптист еще очень долго не сможет забрать сына домой.

Но Ханнес пока не сказал этого отцу.

– Давайте пока остановимся на вас. Расскажите мне, какие отношения у вас были с Розой Беннингхофф.

– Да никаких. Как я уже говорил, мы расстались. Больше мне нечего сказать.

Баптист присел на стул. На его брюках в районе колен появились первые заломы. На подбородке пробилась темная щетина – от этого не помогал даже лосьон «*BOSS*».

– У нее были враги?

– Без понятия. Я не ее адвокат.

– Когда вы расстались?

– Примерно полгода назад.

– После расставания вы поддерживали с ней связь?

– Если было необходимо.

– Общались с ней незадолго до ее смерти?

– Я не веду подробных записей частных разговоров. – Баптист положил ногу на ногу и откинулся на спинку стула. – Если вы будете задавать вопросы, касающиеся моей личной жизни, я не стану на них отвечать.

– Госпожа Беннингхофф мертва. Здесь больше нет ничего личного.

– Я попрошу своего секретаря проверить в моем деловом календаре. Еще что-то? Я хотел бы вернуться в больницу к сыну.

– Мы еще не закончили. Мы говорим о временном промежутке с семнадцати ноль ноль до двадцати ноль ноль вчерашнего вечера. Что вы делали в эти часы?

– Я вел переговоры с партнерами по бизнесу, а потом ужинал. Один в своей квартире во Франкфурте.

– Есть люди, которые могут это подтвердить?

Баптист небрежно назвал несколько имен, которые записал Ханнес. «ИммоКапИнвест». Когда Ханнес услышал название этой фирмы, ему показалось, что он уже где-то его встречал, только вот не мог вспомнить, где именно. Эти конторы называются почти одинаково.

– Мы не могли до вас дозвониться по мобильному.

– Я сам решаю, когда мне его включать, а когда выключать.

Ханнеса бросило в жар. Этот человек был просто каким-то бульдозером, он игнорировал правила, которые соблюдали все люди.

– Кто присматривает за вашим сыном, когда вы ездите в командировки?

– Ему четырнадцать лет, он справляется со всем сам. Ему больше не нужна нянька.

– Возможно, нянька как раз и не помешала бы прошлой ночью. Как он получил травмы?

Баптист вскочил с кресла, так что Ханнес отпрянул назад.

– Это я вас об этом должен спросить! Что вы сделали с моим сыном?

– Ничего.

Ханнес проклинал себя за то, что начал перед ним оправдываться, за то, что принялся отвечать на встречные вопросы. Полицейские были не виноваты в том, что мальчик оказался в таком состоянии. Или все же были? В последние недели тема вины преследовала Ханнеса и появлялась внезапно, словно чертик из табакерки.

– Мы выясняем, как он получил тяжелые повреждения. Пока ничего не известно. Вы знаете, какие планы были у Оливера вчера вечером?

Баптист покачал головой:

– Я не спрашиваю подростка, куда он идет и когда вернется. Я не хочу выглядеть посмешищем. – Он встал. – Для меня этот разговор окончен. Если вы хотите выяснить, были ли враги у госпожи Беннингхофф, то проверьте, в какие дела она – как это сказать по-немецки? – совала свой адвокатский нос. А сейчас простите, мне нужно ехать в больницу.

– У нас есть еще вопросы к вам! – крикнул ему вслед Ханнес.

– Вы собираетесь надеть на меня наручники за то, что я хочу позаботиться о своем больном ребенке? Оставьте мою семью в покое. По крайней мере, тех родственников, которые еще рядом со мной.

Баптист уже стоял на пороге.

Если с ребенком случается беда, едва ли кто-то первым делом скажет: «Вот повезло!» Баптист вообще не проявлял интереса к их расследованию, скорее наоборот. В какой параллельной вселенной живет этот человек, которому нет дела ни до полиции, ни до государства? Визитка Баптиста лежала на столе, Ханнес поднял ее и повертел в пальцах. Номер рабочего факса. Шикарно! Аппарат наверняка стоит в приемной и находится в ведении любопытной секретарши. Ханнес обернулся к полицейскому, который все еще копался с диктофоном:

– Похоже, нам предстоит провести еще один диктант, текст под тем же номером. Придется вызывать его повесткой.

Баптист объявил ему войну.

Вехтер посмотрел вниз из машины на мосту Луитпольда. Река Изар лениво несла льдины по течению, берега были пустынными, ветер укладывал волнами свежевывающий нетронутый снег. На тротуаре соль превратила его в раскисшее серое месиво. Перед монументом «Ангел мира»⁹ Вехтер включил вторую передачу: он не хотел пойти юзом на длинном повороте. Он даже не был уверен, установлена ли на дребезжащем БМВ из полицейского автопарка зимняя резина. У «Ангела мира» на голове и кончиках крыльев высились снежные шапки. С руки ангела взлетела встрепанная ветром ворона и покружила над замерзшим сквером Максимилиана. Взмахи ее крыльев вызвали настоящую лавину, которая рассыпалась в воздухе, не долетев до земли. Дом убитой был уже недалеко, возле магазина деликатесов «Кэфер», – если он правильно помнил. Сегодня была суббота, и Вехтер с испугом смотрел на вереницу красных фонарей перед собой – машины двигались очень медленно.

⁹ Монумент «Ангел мира» установлен в мюнхенском районе Богенхаузен в 1899 году как напоминание о мирном периоде после франко-прусской войны 1870–1871 годов.

Все хотели выбраться из города, не думая о том, что ждет их за окраинами. Наверное, для кого-то наступили выходные.

Еще издалека он увидел на тротуаре автомобиль специального назначения. Ветер развевал заградительные ленты, но сотрудник, который дежурил у входа, не пошевелил и пальцем. Он засунул руки в карманы, поглубже надвинул на голову капюшон. Вехтеру следовало бы организовать работу иначе: не стоило оставлять человека на улице, чтобы тот простудился. Многие в его отделе уже слегли, переложив непомерный груз задач на плечи коллег. Ему надо следить за своими людьми, прежде всего за Ханнесом – рабочим мерином, который никогда ни в чем не отказывал. Но как быть в такие дни, как сегодня? Когда нужно оказаться во многих местах одновременно? Вехтер припарковал машину на тротуаре. Тот был таким широким, что автомобиль поместился на нем целиком. Вехтер молча подал знак сотруднику, чтобы он вошел в дом. На лестнице комиссар столкнулся с Элли и наступил каблуком ей на ногу. Ее лицо исказила гримаса.

– Очень больно? – спросил он.

– Только когда смеюсь, – ответила она с постным лицом.

Она ведь не станет устраивать сцен? О да, это может продлиться долго. Она будет дуться несколько дней, а когда Вехтер спросит, что произошло, Элли наверняка подожмет тонкие губы и ответит: «Ничего, ничегошеньки».

Вехтер ломал голову, что же он натворил на этот раз, чем он это заслужил.

– Что у тебя нового?

– В квартире почти ничего нет. Но то, что есть, может оказаться важным. – Она выпрямилась, держась за перила, чтобы не потерять равновесия на каблуках-шпильках. – С Беннингхофф крепко дружила соседка. Она наверняка может рассказать нам про эту даму еще больше. А что у вас? Наш маленький свидетель не выдал из себя признание?

– Было бы неплохо.

Вехтер потер подбородок. Он звонил в больницу из машины, но там ему лишь сказали, что мальчик стал кричать, как только уменьшили дозу успокоительных. Поэтому врачи снова увеличили дозировку. Остается только посочувствовать пареньку. Или он был хорошим актером, как считал Ханнес. А может, и то и другое. Оливер произвел на Вехтера впечатление человека, который пытается выжить всеми возможными способами. Или любой ценой.

– Кстати, его отец объявился, – сказал он. – Ханнес допрашивает его. Элли, ты проведешь мне экскурсию по подвалу?

– Если ты меня понесешь. Да не пугайся ты так, это была шутка.

Он хотел еще раз осмотреть подвал при свете дня, без спешки, царившей во время задержания. Но день близился к вечеру, погода ухудшилась. В подвале все еще работали коллеги-криминалисты. Здесь, внизу, побывало слишком много людей – воздух казался одновременно холодным и спертым.

– Чем могу вам помочь? – спросил Тумблингер.

Ледяные нотки в его голосе позволяли расшифровать эту фразу как: «Не стойте поперек дороги».

– Нам никто не может помочь.

Вехтер заглянул в подвальную комнату и осмотрелся. Сквозь зарешеченное окно сюда проникало уже совсем немного света. Оно было наполовину завалено чем-то темно-серым, очевидно снегом, который ссыпался снаружи. На полу лежал потертый ковер. В углу стояли старые лыжи, набор летних покрышек и коробка с надписью «Запасные части». В какой-то момент Вехтера посетила шальная мысль: а что он сам хранит в таком подвале? Есть ли у него вообще подвал? О да, есть. Это святая святых, о которой он совсем забыл. А лучше о ней не вспоминать и вовсе.

К стене кто-то прислонил стопку гофрированных картонных коробок, некоторые из них упали на пол. Ничто не напоминало о том, что в этом подвале сидел ребенок. Словно мальчика здесь никогда и не было. Ушко, на котором болтался навесной замок, оказалось выломанным. Для этого не потребовалось прилагать особых усилий: дверь была сколочена из растрескавшихся строительных досок. Неужели мальчик знал, какая именно из подвальных комнат принадлежит убитой? Или он здесь спрятался совершенно случайно? Может, тут просто нашлось место, а также проникал дневной свет? Странное убежище – этот старый подвал. Но куда ему было деваться? Снаружи ведь минус десять, к тому же он едва ли мог далеко уйти со своими ранами. Но испытывал ли он боль? Во время задержания Оливер просто смотрел куда-то вдаль, в одну точку, его лицо не исказила гримаса, даже когда ему завели руки за спину и надели наручники. Никто в полумраке не обратил внимания на его травму.

Тумблингер распрямился и потер спину под белым защитным костюмом.

– Мы можем сейчас вынести этот хлам?

– Ну, уже давно пора, – ответил коллега.

– Так сказал бы хоть что-нибудь!

Тумблингер, ругаясь, схватил стопку коробок, отпихнул Вехтера и Элли в сторону и вышвырнул картон в коридор. Другой криминалист поднял картонные коробки с пола. Вдруг на пол со звоном упало что-то блестящее.

– Это я возьму! – Вехтер вытащил пакетик из кармана куртки, обернул им руку и поднял предмет – несколько ключей на одном кольце. – Проверь, пожалуйста, подходят ли они, – произнес комиссар. – Если это ключи от дома и квартиры, тогда мы знаем, как они попали в подвал. Если это ключи убитой, то есть два варианта: либо мальчик забрал их из квартиры, либо он принес их сюда с собой. В любом случае Оливер мог быть именно тем незнакомцем, который побывал в квартире Розы Беннингхофф и не оставил следов взлома.

О нет! Только бы на это дело не назначили прокурором Хенке. Где они его откопали? Ханнес остановился на пороге.

– А где наша прокурор Бирнбаум? – спросил он вместо приветствия.

– Преждевременные роды. Вот что бывает, когда женщин назначают на такие должности. – Хенке подмигнул ему. – Но не стоит беспокоиться, господин Брандль, теперь я здесь и уже пришел вам на помощь.

Ничего себе перспективы. Он же идиот, и к тому же со знаниями стажера. Очевидно, что такой тип обязательно устроится на государственную службу. Он родился в костюме и с партбилетом в руке. До сегодняшнего дня у Ханнеса ни разу не возникало проблем с прокуратурой, но Хенке был наказанием господним. Наверняка не случайно именно его направили на это дело. Ханнес часто попадал в невидимую плотную сеть, растянутую над Баварией студенческими сообществами, приверженцами политических партий и клубами любителей гольфа. Хоть Ханнес и не страдал паранойей, но его всегда преследовало чувство, что каким-то людям не нравится его расследование, кто-то постоянно ставит ему палки в колеса. Сейчас он даже мог предположить, кто именно. Наверняка за его спиной Баптист уже раскинул свои сети.

Они были примерно одного возраста, но Хенке казался лет на двадцать старше. Уже по окончании учебы ему можно было дать лет пятьдесят. Ханнес же, напротив, выглядел как студент в своих «мартинсах» и с растрепавшимися под шапкой волосами.

Но, словно Богу этого было мало, Хенке еще и носил монокль.

– Входите же, а то вы сейчас сюда холода напустите. Мы ведь с вами уже имели удовольствие познакомиться, правда? Как тесен мир!

Ханнес присел, но не стал снимать куртку. Здесь, в кабинете, он чувствовал себя не в своей тарелке.

– Изучали юриспруденцию. Мы вместе посещали курс лекций у Кэммерера, – сказал он.

– Кэммерер? Такого точно не было. – Хенке приподнял свободную от монокля бровь. – Я повторно проходил такой же курс у Канисиуса. Но всех, кто это изучал, можно назвать коллегами.

Ханнес сжал руки, лежавшие в карманах, в кулаки.

– К счастью, у Кэммерера я удовлетворительно сдал государственный экзамен.

В тот же момент Ханнес проклял себя за эту фразу. Как он вообще мог болтать о таких вещах?

– Мои поздравления. Сожалею лишь, что уровня ваших отметок не хватило для государственной службы.

Теперь только бы не покраснеть. Но было слишком поздно.

– Я и так на государственной службе, коллега, если вы этого не заметили.

– Да, это можно назвать и так. Отличная работа, если любишь свежий воздух. Что я могу для вас сделать?

На миг у Ханнеса включилась фантазия, и он представил, как выливает этому бюрократу за шиворот содержимое чернильницы. Хенке сумел наступить ему на старую большую мозоль. Ханнес был потрясен, когда экзаменационного балла не хватило для того, чтобы устроиться в прокуратуру, а всех остальных потрясло то, что он пошел служить в полицию. И родителей, которые уже выхлопотали ему место в главном управлении на Одеонплац. И миролюбивых друзей: теперь он стал полицейской сукой, которая стоит по ту сторону водометов. Но лучше быть отличным полицейским, чем посредственным юристом. Тем временем его включили в комиссию по расследованию убийств, но фраза «этого недостаточно для...» преследовала его и уязвляла еще очень сильно.

– Нам нужно постановление об аресте, – произнес Ханнес.

Прокурор Хенке плотнее зажал монокль и пробежал глазами первый документ:

– Оригинальная идея. Ребенок одного из влиятельнейших людей в городе найден тяжело раненным на месте преступления. Вы подозреваете его в убийстве. Откройте мне, в чьей голове родилась эта мысль?

– В моей. И если вы дочитаете до конца, то увидите, что у нас имеются веские основания для этого.

Хенке закрыл папку.

– Меня об этом деле проинформировали из других источников. Вы, собственно, осознаете, кто такой Оливер Баптист?

Этот вопрос Ханнес уже один раз слышал сегодня. Любитель теории заговоров забил тревогу внутри него.

– Нет, но мне этого знать и не нужно. Если мальчишку поймали на месте преступления и руки у него в крови, то будь он хоть сам архиепископ, нам нужен ордер на его арест.

– Ой, ну прекратите, это же совершеннейший абсурд! – Прокурор постучал рукой по папке. – Не стоит преследовать невинного школьника, найдите лучше того, кто его подставил.

– Я не привык выпрашивать ордера. Наверное, никогда к этому не привыкну.

– Времена, когда госпожа Бирнбаум пропускала все, что вы ей подсовывали, уже прошли, Брандль. Женщин привлекает гармония. Но прокуратура должна быть независимой.

– Правда? – Ханнес склонялся вперед, пока Хенке не оказался так близко, что можно было уловить запах его лосьона после бритья. Такой аромат он уже встречал сегодня. Как все же тесен мир. – Вы на самом деле независимы, господин Хенке?

– Мы примем ваш запрос во внимание и проверим его. – Хенке бросил папку в лоток для бумаг и взялся за диктофон. – Еще что-нибудь?

– Нет-нет, совсем ничего.

Только одна женщина, которой перерезали горло. Мальчик с окровавленными руками, которого, наверное, просто отпустят домой. Убийца, который, вероятно, бежит на свободе, потому что некто влиятельный его прикрывает. Он остался один на один с этим делом. Ну, значит, придется распутывать его самому. По крайней мере, в этом Ханнес знал толк.

– Ничего, господин Хенке. Премного сожалею только, что вас до сих пор не рекомендовали на должность судьи.

Ханнес вышел за дверь еще до того, как Хенке успел что-либо ответить.

Вехтер снова и снова перечитывал протокол допроса, который Ханнес отправил ему по электронной почте, – не на бумаге, несмотря на то что знал: Вехтер терпеть не может читать с экрана. Им стоит лучше разобраться в отношениях Баптиста с убитой. Странная парочка – и прицепиться не к чему. Со стороны все выглядит складно и гладко. Не это ли и привлекало их друг в друга? Наверное, можно немного расслабиться, когда не обязательно быть всегда искренним. Или тут имело место нечто вроде войны Алой и Белой розы?¹⁰

Вехтер начал читать все сначала, но буквы плясали на экране и напрочь отказывались складываться в осмысленные слова. Он потер брови, но даже это не помогло. В конце концов он закрыл документы и выключил компьютер. Экран погас, шум охлаждающего вентилятора смолк. Комиссар откинулся на спинку кресла и удивился тому, как оно громко скрипнуло в наступившей тишине. «Мне нужно чаще выключать системник за полчаса до окончания работы, – подумал он. – Никогда об этом не задумывался». На улице было уже темно, лишь его настольная лампа освещала горы бумаг. Они завалили даже рождественский венок. Ханнес перед Рождеством пригрозил Вехтеру, что лично вызовет пожарную команду, если хоть одна свечка будет гореть возле всех этих документов. Вехтер с удовольствием наблюдал, как засыхают веточки венка. Нужно было просто выбросить его. Просто вышвырнуть – и все.

Завалиться бы сейчас спать прямо в кабинете, вот было бы здорово! Все равно дома его ничто не ждет. И почему бы не поступить так? Ответ пришел быстрее, чем он успел обдумать этот вопрос: он тогда совсем опустится.

Им нужно было еще вчера проработать это дело до конца. Обычно в подобных случаях они брали преступника той же ночью, а сейчас не нашли орудия убийства, и с каждым часом уменьшалась вероятность того, что оно где-то появится. Возможно, оно уже лежит где-нибудь на дне Изара. Так много следов! Свидетель или потенциальный убийца. Бывший партнер.

Но из-за холодов работа комиссариата шла словно в замедленной съемке. Его люди устали выходить из душных отопленных кабинетов на промозглую улицу. Вечером они едва передвигали ноги и боялись обратной дороги домой, которая снова заставляла их бороться с ледяным ветром. Вехтеру повсюду встречались люди с красными лицами, расклевывавшимися губами, волосами, примятыми шапками-ушанками. В их глазах читалась усталость и страстное желание, чтобы зима поскорей закончилась. Но пока впереди еще целый месяц холодов, и волна эпидемии гриппа не за горами. Хорошее время, чтобы кого-нибудь загнать в угол. Может, стоит отпустить сотрудников?

– Конец рабочего дня?

¹⁰ Война Алой и Белой розы – серия конфликтов между группировками английской знати в 1455–1485 годах в борьбе за власть: между сторонниками двух ветвей династии Плантагенетов – Ланкастеров и Йорков. (Примеч. пер.)

Спинка кресла Вехтера резко выпрямилась. Только один человек в его отделе всегда входил без стука. Элли не спросила разрешения войти, она просто стояла здесь – темный силуэт в дверном проеме.

– Есть причина, по которой мне стоит снова включить компьютер? Иначе я смоюсь отсюда, пока ты какую-нибудь не придумала, – сказал он.

– Я просто увидела, что у тебя все еще горит свет.

– Раз ты уже здесь, не могла бы ты завтра в адвокатской конторе посмотреть информацию по Беннингхофф? Мне хотелось бы узнать, в какие дела совала свой нос эта дама.

– Раз уж я здесь? Эх, ну хорошо. – Она возвела глаза к потолку. Господи, как же здорово у нее это получается!

Черт побери, неужели он опять что-то сделал не так?

– Слушай, насчет сегодняшнего утра...

– Да все в порядке.

– Ну, просто...

– Да уже все равно.

Вот незадача! В темном окне отражался его силуэт. Двадцать пять килограммов и один чертов развод – все, что он успел нажить за тринадцать лет, на протяжении которых они были знакомы.

Ничто из этого не пошло ему на пользу.

Вехтер встал, снял куртку со спинки стула и протянул Элли руку:

– Пойдем. Как ты? Может, тебя подвезти немного?

– Нет, спасибо, сегодня моим личным шофером будет машинист. Мне нужно пройти всего несколько шагов до Восточного вокзала.

Она проигнорировала его руку.

Стоя перед дверью, Вехтер смотрел вслед Элли, пока она шла вниз по Орлеанштрассе на своих невероятных каблуках, а ее силуэт все сильнее размывался за пеленой снега.

Наверное, и ему самому не повредит прогулка. Ведь всего минус семнадцать. Вехтер поднял воротник и начал преследование.

Глава 3

Вязкий снег

Оливер спал. По крайней мере, его глаза были закрыты. Лицо все еще оставалось бледным, болезненно бледным. Сегодня на нем был уже не больничный халат, а обычная пижама.

Кто-то принес ему шоколад, и тот, нетронутый, лежал на приставном столике и подтаивал в прогретом батареями воздухе. Рядом с Вехтером стоял Бек, молодой судмедэксперт, под глазами которого за стеклами никелированных очков виднелись темные круги. Именно он осматривал Оливера еще в ночь задержания.

За их спинами зашелестела «Вечерняя газета». За Оливером присматривал полицейский, ожидая у стола своего сменщика.

Новость о кровавом убийстве не поместили на передовицу. Вместо этого, как всегда в январе, заголовки кричали о «самой суровой зиме столетия». Жители Мюнхена охотнее читали о погоде, чем об убийствах. От термокружки коллеги исходил аромат черного чая.

– Значит, с вами он тоже не разговаривает, – сказал Вехтер Беку. – Но, по крайней мере, стоило попытаться. Спасибо, что вы зашли сюда еще раз.

Полицейский опустил газету.

– Он ни с кем не разговаривает с тех пор, как я заступил на смену, – заявил он. – Его отец приходил, но только отца и было слышно.

– Вы же не оставляли их наедине? – с тревогой спросил Вехтер.

– Нет, но, если честно, французского я все равно не знаю. – Полицейский снова принялся читать о зиме столетия.

Доктор защелкнул карман на кнопку.

– Давайте дадим мальчику поспать. Мы ведь можем поговорить и снаружи, мне тоже нужно к выходу.

На ходу Вехтер обернулся и бросил в сторону кровати:

– До свидания, Оливер. Я приду еще.

Светлые ресницы дрогнули или ему всего лишь показалось?

В коридоре Бек бессовестным образом сладко зевнул.

– Сколько вы уже на ногах, господин доктор? – спросил Вехтер.

– Тридцать шесть часов. – Бек снял очки и помассировал переносицу. – Стариков много. Зимой умирают старики. Если сейчас в институте никто не умрет, у меня наступит конец рабочей недели.

Врач толкнул тяжелую двойную дверь, а Вехтер придержал ее локтем. Только ни к чему не прикасаться, чтобы не подхватить устойчивых к лекарствам больничных микробов. Этот запах супового концентрата и моющего средства будет преследовать Вехтера, наверное, еще несколько дней. Если, конечно, это был действительно суповой концентрат. К счастью, сейчас он уйдет из этой больницы.

Здесь умирают люди.

Какой-то частью мозга Вехтер понимал, что тут и дети рождаются, и ноги сломанные гипсуют, но эти мысли он настойчиво вытеснял.

Бек протянул ему тонкую папку и конверт с рентгеновскими снимками:

– Мое заключение. Фотографии на флешке, а вещественные доказательства уже в пути.

– Огромное спасибо. – Он пролистал документы в скоросшивателе. Все на латыни. Теперь Вехтеру понадобится честолобец Ханнес, но его еще утром забрал Целлер. – От таких терминов у меня мозг сломается, мне бы все это на гражданском языке.

Бек ухмыльнулся:

– Могу себе представить. Давайте начнем сначала. Коллега здесь, на станции скорой помощи, сказал мне, что пациента доставили с обезвоживанием и переохлаждением. Если бы вы его не нашли, состояние Оливера могло стать критическим.

Когда же он попал в руки преступнику? Или преступникам? Действовать мог и один человек, и несколько. И сколько их было в этом гнилом деле? Или Оливер сам был преступником? Руки его были в крови, и скоро полицейские узнают, кому она принадлежит. Он бил для храбрости? Или пытался заглушить боль? Раны могли появиться из-за того, что женщина оказывала сопротивление. Невероятно! Но Вехтер научился не исключать невероятные варианты, обдумывать до конца каждую возможную цепочку событий.

Они остановились перед лифтом, и комиссар нажал кнопку, продолжая теребить полу пиджака. Он готовился задерживать дыхание во время поездки: кто знает, не катаются ли иногда на этом лифте пациенты из инфекционного изолятора.

– Расскажите мне что-нибудь о его травмах.

– На затылке у него ушибленная рана, нанесенная тупым предметом. Прямой контур, весьма вероятно, лестничная ступень или угол мебели. Мальчик мог упасть.

Лифт остановился, и они вошли в него.

– Вам тоже на первый этаж, господин главный комиссар?

– Хм-м-м...

– Кроме того, у него множество кровоподтеков на ребрах и в области почек. Ушиб позвоночника.

Вехтер мысленно представлял, как можно было получить такие травмы. На Оливера Баптиста обрушились удары, мальчик упал, скорчился, закрыл лицо ладонями, чтобы защититься; преступник подошел ближе, когда Оливер уже лежал на полу. Так могло происходить, но не обязательно в точности так. Преступник в воображении Вехтера все еще был темным нечетким силуэтом.

Двери лифта раскрылись, выпустив их в вестибюль. Вехтер глубоко вдохнул, вновь наполнив воздухом легкие. После тишины коридоров их внезапно окружил гул голосов.

– Я видел порезы на его запястьях.

– Ох, он нанес их себе сам, – произнес Бек.

Ну конечно, до этого Вехтер и сам мог бы додуматься. Он сталкивался с подобным не в первый раз, но, как всегда, не мог осознать, почему человек добровольно так с собой поступает. Нечто внутри него отказывалось понимать такие вещи.

– Я это часто вижу у подростков его возраста, – продолжил Бек, словно речь шла о бейсболке или болтающихся штанах. – О причинах не берусь судить, не зная предыстории.

– А что с его раненой рукой?

– Два перелома на пястных костях.

– Он защищался? Или отбивался?

Жизнь его многому научила, особенно в ту пору, когда он стоял охранником при входе на деревенскую дискотеку: бить кого-то прямо в лицо – это очень плохая идея.

– Точно могу сказать, что нет. Суставы пальцев не повреждены, и направление перелома не совпадает. Это было насильственное воздействие извне. Возможно, кто-то наступил ему на руку, а может быть, он пытался прикрыться.

– Он не защищался?

– Не типичные повреждения для самозащиты. Вы же знаете, о чем это говорит.

Вехтер кивнул:

– Отсутствие сопротивления указывает на домашнее насилие.

Темный силуэт в его голове обретал очертания. Он должен был держать свой ум открытым. Иначе возникала опасность, что он построит дело вокруг одной теории. Домашнее

насилие указывало на отца. Но его ведь не было на месте. Или самым тяжким его проступком стало как раз отсутствие? Кроме него, в жизни Оливера все равно никого не было.

– А он вам действительно ни слова не сказал? – спросил он.

– Сказал немного. Мальчик ничего не может вспомнить о том, что произошло в тот день. Ретроградная амнезия, это не редкость, особенно после столь травмирующего события. И пробел в памяти может в любой момент восстановиться, но все может остаться и без изменений. Он спрашивал, когда придет его папа.

Они остановились на выходе. В кармане халата врача раздался пронзительный писк бипера.

– Он поправится. Перелом полностью срастется, ушиб позвоночника он будет ощущать еще некоторое время, но не останется никаких последствий. По крайней мере физических. – Бек вынул визжащий пейджер, внимательно изучил сообщение на дисплее и нахмурился: – Ничего с выходными не получится. А еще говорят, что при таких холодах становится спокойнее.

– Напротив. Люди торчат в своих тесных натопленных квартирках и ненавидят друг друга.

– Наверное, это так. К сожалению, мне придется отправиться в путь. Приятно работать с живыми, можно рассчитывать на хороший конец. Хотя... – доктор бросил пейджер обратно в карман, – иногда ведь и они умирают.

Вехтер как раз хотел захлопнуть папку, как вдруг его взгляд упал на одну строчку.

– Господин доктор, пока вы не ушли... Здесь упоминаются переломы ребер.

– Ах, это. – Бек снял халат и запихнул его во врачебную сумку. – Старая, очень старая травма. Давно зажила.

Ханнесу казалось, что прошла вечность с тех пор, как он сидел в этом коридоре и ждал наказания, словно нахулиганивший школьник.

«Потом зайдете ко мне в кабинет», – сказал сегодня Целлер. Когда Ханнес вспоминал об этом, в животе у него все сжималось. Чего от него хочет Целлер? Наверное, дело касается Оливера Баптиста. Ханнес обращался с мальчиком грубо, неверно оценив его состояние, в этом была его ошибка. Такие ошибки случались, не каждый день, но довольно часто. Слишком много заболевших, слишком мало коллег в строю, слишком много сверхурочной работы. Когда он кричал на мальчика, он к этому времени уже отработал две смены подряд: Ханнеса вызвали из дома в выходной.

Это не оправдание – всего лишь объяснение.

Была еще одна причина, по которой он не хотел идти в кабинет. Теперь Ханнесу как никогда нужна была его начальница, которая – спокойная и рассудительная – могла оградить его от напора Целлера. Пока она была тут, он не цеплялся к Ханнесу, но, как только ее не стало, Целлер использовал каждую возможность, чтобы ему насолить.

Ханнес взглянул на часы. Целлер заставлял его ждать, демонстрируя, что он здесь хозяин. Возможно, он сейчас просто сидел и бесцельно бродил по Интернету. Ханнес покачал ногой, вытащил свой айфон, потом снова засунул его в карман, в сотый раз провел рукой по волосам, взглянул на пустой коридор.

Тут же всплыло воспоминание о другом коридоре, которое все еще не покидало его. Ханнес надеялся, что уже избавился от этих мыслей. Вспомнился и холодный запах ладана, словно только что ударивший в нос. Гипсовая лепка вырастала из голых стен, как метастазы, а над головой возвышалось метровое распятие. Когда оно наконец упадет и раздавит его? Ханнес невольно встряхнул головой. Распятие исчезло, а коридор монастыря вновь превратился в полицейский участок с успокаивающим светом неоновых ламп. Он был не один-

надцатилетним гимназистом, а главным комиссаром уголовной полиции, и все, что могло теперь его раздавить, – это горы бумаг на письменном столе у Вехтера.

Ханнес мог бы пока выкурить сигарету. Он машинально принялся искать пачку в кармане куртки. Но вместо привычного прямоугольника нащупал деревянные шарики, и пальцы начали пересчитывать четки, прежде чем он осознал, что делает. Привычка была сильнее. Ханнес уже давно хотел выбросить проклятые четки. Но, как только он собирался положить их в ящик комода, четки цеплялись за подкладку куртки только для того, чтобы в самый неподходящий момент обнаружиться в кармане.

Ханнес энергично запихнул четки через дыру под подкладку, обратно в небытие.

Позади него распахнулась дверь.

– Привет, Йоханнес. – Секретарша Луиза подмигнула ему из «логова змея» и возвела глаза к потолку так, что это заметил только Ханнес. Эта гримаса вселила в него уверенность. – Теперь можешь войти.

Целлер прошел к двери и протянул ему руку:

– Добрый день, господин Брандль, входите, присаживайтесь. Вы, наверное, догадываетесь, о чем пойдет речь.

Ханнес молча опустил на стул для посетителей под суровым взглядом премьер-министра, смотревшего на него с портрета. Ханнеса и шефа разделяла столешница из красного дерева: на нее ушло минимум пять квадратных метров тропического леса. Целлер прошуршал документами, словно действительно что-то искал. Можно было держать пари, что начальник подготовил все заранее до мельчайших деталей.

– Господин Брандль, мне передали жалобу в порядке служебного надзора. Вы уже знакомы с семьей Баптистов?

Комок в его желудке стал еще больше. От этих французов с самого начала веяло злобой. Ханнес предвидел подобный разговор, но не на третий день расследования. Нужно только сохранять спокойствие. Они ничего не могут ему сделать. Чему его учили на занятиях по юриспруденции? Жалоба в порядке служебного надзора бесформенна, бессрочна и безрезультатна.

– Боюсь, нам стоит к этому прислушаться. Господин Баптист жалуется, что вы грубо схватили его сына...

– Я его вообще не хватал, я сидел в метре от него...

– ...и отказали ему в медицинской помощи. Он говорит о запугивании, неоказании помощи, насилии со стороны полицейского сотрудника.

– Погодите-ка! – Ханнеса бросило в жар. – Никто из нас не мог знать, в каком состоянии был мальчик! Он не говорил ни слова.

Целлер улыбнулся вместе с премьер-министром с портрета:

– Это ведь не официальное слушание дела, господин Брандль. Но все в ваших руках, если таковое начнется. Надеюсь, вы понимаете, кто такой Баптист?

В нынешнем расследовании этот вопрос проходил красной нитью, Ханнеса это уже начинало нервировать.

– Нет, – солгал он. – Но вы наверняка мне сейчас об этом расскажете.

– Господин Баптист возглавляет фирму по аудиту предприятий и солидный семейный офис¹¹.

Целлер намеренно выдержал паузу, но Ханнес не оказал ему любезности и не стал переспрашивать, что это за семейный бизнес. Он это отлично знал. Контора управляла день-

¹¹ Частная независимая организация, оказывающая услуги по управлению семейным имуществом и другими активами. (Примеч. пер.)

гами других людей, у которых их было слишком много. Целлер продолжал вещать начальственным тоном, словно выучил наизусть рекламную брошюру:

– Фирма «Баптист и партнеры» распоряжается средствами фондов и городских организаций. А также крупных инвесторов Мюнхена...

– Почему вы мне все это рассказываете?

На какую-то долю секунды взгляд Целлера скользнул по кабинету. Ханнес знал, что не получит ответа на свой вопрос.

– Вам известно, что я всегда стою горой за своих людей. Нам нельзя торопиться и нужно доводить любую жалобу в порядке служебного надзора до конца.

– А есть условие?

Целлер взглянул на него. Ханнесу померещилось удивление на его лице. Потом шеф рассмеялся:

– С вами ведь можно прекрасно работать, мы думаем одинаково. Нет, господин Брандль, я не выдвигаю условий, я просто хочу дать один хороший совет.

– И какой же?

– Ведите расследование в отношении семьи Баптист спустя рукава.

– Оставить Баптистов в покое, вы это имеете в виду? С кем же они знакомы? Кого стал прессовать Баптист, чтобы вы произнесли для меня целую речь?

С лица Целлера вмиг испарилась улыбка, словно ее там и не было никогда.

– А меня никто и не заставлял. Я сам волен принимать такие решения. – Ханнес только открыл рот, но Целлер заставил его замолчать одним взмахом руки. – Поэтому мы с вами тут и сидим. То, что я за своих людей стою горой, означает также, что я должен их предупредить, прежде чем они решат напороться на острый нож. Подумайте о моем совете. Больше я ничего не скажу.

Ханнес вскочил.

– Я могу оказать вам такую любезность. Я же всегда веду расследование спустя рукава. Вы уже должны были хорошо меня изучить.

Не дождавшись ответа начальника, он выскочил в коридор. Хорошо, что Целлер больше ничего не сказал, иначе Ханнес действительно набросился бы на него от злости.

Спустя рукава. Это можно устроить. Глаза у него превратились в кошачьи щелочки.

– Уголовная полиция? Но вы ведь уже приходили... – Секретарша в конторе умолкла, взяла трубку и набрала пару цифр. – Господин доктор Видеманн, тут госпожа Шустер из уголовной полиции. По делу госпожи Беннингхофф. – Секретарша отвернулась и зашептала: – Я знаю... Но она хочет с вами поговорить... Да, ничто не помогает.

Она положила трубку и смерила Элли взглядом с головы до ног, а потом еще и слева направо, и времени это заняло намного больше, чем позволяют обычные правила приличия.

– Господин доктор Видеманн примет вас прямо сейчас, подождите минуточку.

– Это ничего, я все равно жду своего коллегу.

Под взглядом трепетной канцелярской лани Элли чувствовала себя деревенской простушкой. Снег на ее сапогах таял, вода стекала на паркет, а в пуховике она выглядела, как японская рыба фугу после мгновенной заморозки. Если бы на ней были вчерашние нарядные сапожки! Они не прибавили бы ей стройности, но наверняка подняли бы настроение. Элли оперлась на стойку и спросила сладким голоском:

– Так вы говорите, что мои коллеги уже были здесь? О чем идет речь?

– Это вы знаете лучше меня.

– Я с удовольствием еще раз услышала бы это от вас.

Коллеги из экономического подразделения охотно помогли ей. Адвокаты из этой конторы были их старыми знакомыми. Растрата оказалась только вершиной айсберга: контора

использовала деньги клиентов на бирже и все потеряла. Секретарша покраснела и принялась сортировать ручки.

– Вы должны лично поговорить на эту тему с представителями правления. Я не очень хорошо знаю подробности. Просто принимаю тут посетителей.

– Если вы предложите мне кофе, я охотно его выпью.

Элли поймала ее ядовитый взгляд, но затем трепетная секретарская лань ускакала на каблуках из приемной. Элли перегнулась через стойку и с ловкостью, которой сама от себя не ожидала, пролистала ежедневник с записями встреч. Несколько отсрочек, судебное заседание – в общем, с гулькин нос. Каждая вторая страница оказалась пустой. Но потом появилось имя, которое Элли знала. Пять дней назад: «14.00, обсуждение Беннингхофф конфиденциально». Только теперь Элли поняла, что в конторе словно и не заметили пропажи Розы Беннингхофф. Список телефонных звонков жертвы был изучен, компьютер проверен, но на автоответчике не было новостей из конторы, а в ящике – никаких электронных писем. Если кто-то не появляется на работе, его ведь начинают разыскивать, разве не так?

Когда стук каблуков стал приближаться, Элли снова уселась на стульчик как ни в чем не бывало и принялась листать журнал «Финансовый мир». Пятая чашка кофе за сегодня. Ну хорошо, ее она тоже вольет внутрь, хотя, похоже, желудок уже свернулся в узел. На стойке лежали прошлогодние летние журнальчики с заложенными страницами. Полка с подшивками специализированной прессы протянулась через всю стену. Легкий слой пыли лежал на корешках – этими томами пользовались нечасто. Элли бегло взглянула и на нижние полки. На цифре «2011» подшивки заканчивались. Номера нынешнего года еще не собраны в том, это ясно, но подшивка за прошлый год полностью отсутствовала. Должно быть, они перестали выписывать журнал.

Из комнаты донесся мужской смех. Не радостный, а скорее социальный лай: альфа-самец пытается собрать стаю. Смех неожиданно прекратился, и вновь воцарилась тишина. На факсе лежал лишь один листок бумаги. Элли с любопытством вытянула шею – реклама китайских обедов. Ее желудок скукожился. Есть хочется. Элли подумала: будет ли прилично вытащить из сумочки крендель, принимая во внимание то, что она пришла сюда по делу об убийстве?

Вдруг по клавиатуре забарабанили пальцы, потом раздался шепот, кто-то в соседней комнате плотнее прикрыл дверь. Один раз звякнул телефон.

– Доктор может принять вас сейчас, – сказала секретарша. Элли последовала за ней в комнату для совещаний.

За длинным столом для заседаний ее ждал пожилой мужчина, одетый во все черное, словно у него было дурное предчувствие. Он встал и поздоровался с Элли, крепко пожав ей руку. На долю секунды она ощутила его напряжение, словно мужчина заставил себя ее поприветствовать.

Язык его жестов казался неискренним, движения – механическими. Волосы у него были седые, а глаза внимательные. Мужчина сел напротив источника света, так что на лицо его падала тень.

– Что мы можем для вас сделать? Честно признаться, нас удивил ваш визит. Ваши коллеги были у нас несколько недель назад. И дело ведь уже решенное.

– Речь пойдет о вашей коллеге госпоже Беннингхофф.

Показалось ли ей или адвокат действительно вздохнул с облегчением?

– Я вынуждена сообщить вам печальную новость. Госпожи Беннингхофф позавчера не стало.

Адвокат от неожиданности открыл рот:

– Несчастный случай? Но... Уголовная полиция... Что же тогда произошло?

– Я боюсь, мне придется задать вам и вашим коллегам несколько вопросов.

Видеманн кивнул.

– Расскажите мне о госпоже Беннингхофф. Она у вас проработала несколько лет. Что вы знаете о ней?

Мужчина поднял руки:

– Не очень много. Она была сотрудницей, на которую всегда можно было положиться. Все с ней хорошо ладили. Ничего дурного я о ней сказать не могу.

– И несмотря на то, что Роза Беннингхофф так долго у вас работала, она не стала младшим компаньоном?

– Она не хотела в этом участвовать. Желала держаться независимо.

Элли сделала пометку. Это сочеталось со стилем квартиры убитой. Роза Беннингхофф была из тех людей, которые путешествуют налегке.

– Она поддерживала личные отношения с кем-либо из сотрудников?

– Нет... Нет... – Видеманн покачал головой. – Она и на общие мероприятия никогда не приходила. Не поймите меня неправильно, госпожа Беннингхофф была милой женщиной, всем нравилась, но при этом отличалась замкнутостью.

Кого ни спроси, женщина с глазами хаски оставалась загадкой. Даже бывший бойфренд не сообщил о ней никакой личной информации. Итогом этой беседы стало одно лишь слово: милая.

– Вы ничего странного не заметили, когда она в понедельник уходила из бюро? Может, она была взволнована или вам просто что-то бросилось в глаза?

Видеманн вздохнул:

– Мы, конечно, сожалеем о таком шаге с ее стороны. Мы все же устроили небольшое торжество по поводу ее увольнения.

– Увольнения? – Элли насторожилась.

– Да, госпожа Беннингхофф сообщила нам об этом, а вы не знали?

Дверь в комнату совещаний распахнулась. Хранитель Молчания вошел и упал на стул. Он кивнул Видеманну, скрестив руки на груди.

– Это мой коллега, господин Штаудингер, – представила его Элли, потому что сам он этого не сделал. – Вы не могли бы рассказать о ее увольнении подробнее? Это для нас новая информация.

Видеманн самым естественным образом повернулся к Хранителю Молчания. Чиновник старой закалки, он охотнее разговаривал с мужчинами, которые в его мире были главными.

– Госпожа Беннингхофф уволилась по собственному желанию. В понедельник у нее был последний рабочий день.

– Она не назвала вам причины ухода? – спросила Элли.

– По личным обстоятельствам. Она хотела изменить себя, так она сказала. Больше ничего, – ответил Видеманн, упрямо глядя на Хранителя Молчания, который, в свою очередь, и глазом не моргнул.

Элли посмотрела на коллегу – сигнал, что тот должен брать дело в свои руки. И он сделал то, что умел лучше всего, – ничего.

Медленно проходили секунды, которые казались минутами. Все внимание сконцентрировалось на молчаливом комиссаре. Стояла такая тишина, что было слышно, как тикают наручные часы. Первым сломался Видеманн:

– Если вас интересует наша коммерческая модель, то она никак не связана с ее увольнением. Госпожу Беннингхофф в это не посвящали. У нее была своя база клиентов.

Снова тишина. Хранитель Молчания ухмыльнулся одним уголком рта: поднял его на пару миллиметров, а потом снова опустил.

– Это вы и так уже знаете... Ваши коллеги конфисковали папки...

Тишина.

Видеманн взял в руку карандаш и стал отковыривать маленькие кусочки ластика с тупого конца.

– Наша бизнес-модель была вполне законной. Мы регулярно возвращали заемные средства. Только когда у клиента были перед нами долги, мы использовали свое право и удерживали некоторые суммы.

Тишина.

Адвокат почесал затылок.

– А преступное злоупотребление доверием – это неправда. Мы хотели подойти к средствам клиентов с экономической стороны, ведь так поступает любой банкир. Прибыль мы, конечно, передали бы потом всю до цента...

Тишина.

От Хранителя Молчания исходило безбрежное спокойствие, спокойствие «черной дыры», которая всасывала в себя все, что находилось рядом. Он никуда не спешил.

На лбу адвоката выступили крупные капли пота.

– Я хочу быть честным. Госпожа Беннингхофф расстроилась из-за плохих отзывов в прессе. Она опасалась дурной славы. Но это не было причиной увольнения, скорее это был катализатор.

Тишина.

Видеманн, ища поддержки, взглянул на Элли, но та как раз что-то записывала. Что-то очень срочное.

– И отступные мы, конечно, ей предложили...

Тишина.

– Отступные не имеют отношения... к делу. Госпожа Беннингхофф была уважаемой сотрудницей, и это все.

– Вы нам очень помогли, господин доктор Видеманн, – произнесла Элли, положив руку на плечо Хранителя Молчания, благодарная ему до глубины души. Это был ее любимый коллега. Элли заказывала шницель, а он гриль. – Мы с удовольствием взяли бы папки, с которыми в конторе работала госпожа Беннингхофф, а кроме того, нам понадобится ее компьютер и бэкап всех рабочих папок в электронном виде. С ее сотрудниками мы бы хотели поговорить по отдельности, сначала с младшими компаньонами.

Образ незаметного и пугливого оленя, с которым ассоциировалась Роза Беннингхофф, изменился. Убитая получила деньги, уволилась и упаковала чемодан. Словно она бежала от чего-то.

Но то, от чего она бежала, все же догнало ее.

На стол перед носом Ханнеса лег кейс из черной кожи.

– У вас есть двадцать минут. Потом у меня совещание.

Ханнес поднял глаза на Баптиста, который, стоя прямо перед ним, без стеснения принялся снимать пальто.

– Посмотрим, господин Баптист. Наша беседа продлится столько, сколько понадобится. Спасибо, что откликнулись на повестку.

После разговора с Целлером Ханнес чувствовал себя удивительно свободным – свободным, как птица. Какие бы следственные действия он ни произвел в отношении Баптиста, комиссару придется плохо. Тут уж он не мог поступить правильно.

– Что вы будете делать, если я уберусь отсюда через двадцать минут? – спросил Баптист.

Ханнес пропустил это мимо ушей. Он уже сожалел, что не зарезервировал для допроса одну из комнат в подвале, в которых пахло так, словно в каждом углу сдохло по мед-

вежатнику. Свой кабинет был ему милей, тщательно убранный письменный стол дарил ему столько же уверенности в себе, как и горы документов на рабочем месте Вехтера. На них обычно опасно балансировала чашка с кофе. Но, когда появился Баптист, эта комната внезапно сделалась тесной, Ханнесу захотелось срочно открыть все окна и двери, чтобы немного уменьшить влияние этого человека.

Вместо этого Ханнес снял трубку и набрал номер.

– Михи, ты придешь? Он уже здесь.

Пока он наговаривал продолжение допроса на диктофон, Баптист, откинувшись на спинку стула, что-то набирал на своем «Блэкберри» с подчеркнуто скучающим видом. Не хватало только, чтобы он закинул ноги на стол. Ханнес прервался прямо на середине предложения:

– Если вы отложите телефон в сторону, дело наверняка пойдет быстрее.

Баптист положил «Блэкберри» на стол, и телефон тут же зажужжал. Ханнес потянулся за ним, но Баптист оказался быстрее. Его рука быстро закрыла экран.

– Нет, совершенно точно.

– Мы хотели бы взглянуть на ваш телефон.

– Вынужден вам отказать в этом, поскольку нет судебного постановления.

– Тогда мы его сейчас получим.

На лице у Ханнеса снова появились красные пятна. Ему даже не нужно было смотреться в зеркало, чтобы это понять. Словно мелкие костры загорелись у него под кожей. Что толку сохранять внутреннее самообладание, если спустя несколько секунд он стал выглядеть как завравшийся болтун?

– Я не уверен, что вы достаточно серьезно воспринимаете ситуацию. Ваша бывшая спутница жизни убита. А ваш сын находится под подозрением.

– Я это воспринимаю очень серьезно, – ответил Баптист. – Поэтому и хочу защитить свою семью. Мы к этому не имеем никакого отношения.

Он вел себя, как его сын, только тот сидел не шевелясь в патрульной машине, бросая в лицо полицейским свое молчание, словно оружие. Оба, отец и сын, были одинаковы, хотя внешне ни капли не походили друг на друга. Ханнес вспомнил о Лотте и Расмусе. Он не хотел о них думать, когда проводил расследование, не желал осквернять детей смертью и трауром. И все же комиссар не мог отделаться от этих мыслей.

Даже если бы они оказались убийцами, он бросился бы под поезд ради того, чтобы их защитить.

Баптист оказался сильным противником.

Дверь открылась, и в комнату вошел Вехтер, окруженный облаком свежего сигаретного дыма. Наверное, он курил снаружи.

– Вы начали без меня? Одну минуточку, я только возьму себе стул.

Вехтер поднял с офисного стула стопку папок с бумагами, выкатил его вперед и плюхнулся на сиденье, которое протестующе скрипнуло под его весом. Стокилограммовый человек в черном костюме отвоевал обратно кабинет одним своим присутствием. Этот полицейский участок снова принадлежал им.

Вехтер виновато улыбнулся:

– Мне очень жаль, я как раз был на конфиденциальном совещании. На чем вы остановились, Ханнес?

– Мы говорили об Оливере. Чем занимался ваш сын, пока вы были во Франкфурте?

– Не имею ни малейшего понятия. Мы созванивались около полудня, и все еще было в порядке. После этого я не получал от него известий.

– Разве он не должен был находиться в школе?

Баптист заерзал на стуле:

– В настоящее время он не ходит в школу. В последней возникли... сложности. Потасовки на школьном дворе. Мы сейчас подыскиваем новое учебное заведение, которое будет лучше соответствовать нашим требованиям.

– Вы знаете, что школьное обучение у нас обязательно?

Ответа не последовало. Местное управление по делам молодежи наверняка дружило с Баптистом.

– Значит, ваш четырнадцатилетний сын не ходит в школу и весь день предоставлен самому себе? – подытожил Ханнес. – Все верно?

Лицо Баптиста стало суровым:

– Я пытаюсь делать все, что в моих силах.

Ханнес что-то записал на листке, прикрывавшем столешницу. Здесь уже накопился целый ряд пометок.

*Франкфурт бизнес
Франкфурт апартаменты
телефон – сотовый
кредитные карты
дом, обыск прокуратурой (!?)
управление по делам молодежи*

Внизу он дописал:

школа

Не поднимая взгляда, Ханнес выпалил следующий вопрос:

– Кто избил вашего сына, господин Баптист?

– Не имею ни малейшего понятия.

– Видите ли, меня это удивляет больше всего, – произнес Вехтер, который до сих пор молча слушал, скрестив руки на груди. Он наклонился к Баптисту и вперил в него взгляд, словно тот был самым важным человеком на свете. – У нас есть заключение судмедэкспертов. Врач уверен, что на этот раз мы имеем дело со случаем насилия в семье. – Комиссар подмигнул Баптисту. – Но это ведь не могли быть вы, вы же находились во Франкфурте, не так ли? Что наверняка подтвердят ваши коллеги. Кстати, кто это может сделать, не подскажите? И с кем встречался Оливер?

Ханнес, играя роль наблюдателя, откинулся на спинку стула и предоставил Вехтеру право действовать. Баптист молчал, но не сводил с него глаз.

– Вас, наверное, также должен интересовать вопрос: кто же избил вашего сына?

Сдержанный кивок вместо ответа.

– Ну, значит, мы хотим одного и того же. Вы всеми средствами поможете нам выяснить, кто избил вашего ребенка.

– Конечно.

– Хорошо. Нам еще нужны показания Оливера. Я предлагаю взять их в привычной для него обстановке. Его должны отпустить утром. Когда к вам подъехать?

– Это исключено. – Баптист нахохлился, как замерзшая синица. – Мой сын не сможет этого сделать по состоянию здоровья.

– Кто присматривает за ним, когда вы на работе?

– Никто, я же вам сказал, он и сам... – Баптист осекся, не закончив предложения.

– Чудесно, – произнес Вехтер и улыбнулся на все тридцать два зуба. – Значит, ему уже немного лучше, если вы можете оставить его на целый день одного. Итак, в котором часу? В шесть?

Баптист сплел пальцы на руках, словно обдумывал информацию.

– Я и мой юрисконсульт будем присутствовать при этом, – наконец произнес он. – Двадцать минут. И, если Оливер захочет, мы немедленно прервемся.

Вехтер встал и протянул Баптисту руку:

– Тогда до скорой встречи. Не забудьте свой кейс.

Баптист поднялся, застегнул пальто и взял со стола Ханнеса чемоданчик.

– И еще одно, – сказал Ханнес, когда Баптист уже подошел к двери. В руках комиссар держал заключение судмедэксперта. – У вашего сына обнаружили два старых перелома ребер, давно заживших. Откуда они у него?

Баптист остановился как вкопанный. Не оборачиваясь, он произнес:

– Оливер катается на скейтборде. Часто получает травмы.

– Вы имеете в виду, что ваш сын ломает кости, а вы этого даже не замечаете?

Баптист обернулся:

– Я не знаю, о чем вы говорите.

Взмахнув лапами пальто, он скрылся в коридоре.

Несмотря на то что в зале толпилось не меньше сотни людей, здесь царила удивительная тишина. За двумя длинными столами люди обедали, толкались с тарелками между детскими колясками и инвалидными креслами или занимали очередь к окошку, где выдавали еду. Перед Элли стояла женщина, которая, казалось, надела на себя всю свою одежду, отчего приобрела форму шара. Позади Элли в коляске-трости хныкал маленький ребенок, мать пыталась засунуть ему в рот соску. Ее лицо казалось выцветшим, несмотря на тщательно наложенный макияж. В отличие от женщины-луковицы, ее одежда выглядела вполне прилично, а коляска была известной марки. Лишь немногие посетители этой благотворительной столовой при доме церковной общины на первый взгляд выглядели как нищие. Не сразу удавалось рассмотреть поношенные куртки, отросшие у корней седые волосы, потертые брюки. Бедность проникла в сердце общества и пожирала его изнутри.

Элли встала в конец очереди, чтобы не распугать клиентуру столовой своим полицейским удостоверением. Так она могла спокойно понаблюдать за Джудит Герольд, которая суетилась со своими коллегами у раздаточного окошка: чепец на коротко стриженных волосах и белый фартук. Шеф-повар в колпаке выкрикивала из кухни указания.

– Спагетти или айнтопф¹²? – все время спрашивала Джудит Герольд.

Наклонившись к посетительнице, она погладила ребенка по голове, посмеялась шутке. Элли все больше казалось странным, как такой человек мог быть для Розы Беннингхофф не просто соседкой. Все, что тут происходило, казалось таким далеким от Розы. Если бы Элли смогла разрешить эту загадку, то и убитую поняла бы лучше.

Подошла очередь женщины-луковицы, и Джудит Герольд, не спрашивая, налила ей в тарелку густого супа, поговорила с ней, назвав ее госпожой Гребель, и пожала на прощание ее смуглую грязную руку. Теперь настала очередь Элли.

– Спагетти или айнтопф?

– Спагетти, – ответила она и просияла улыбкой. Джудит Герольд выглянула из-за своих кастрюль, ее лицо помрачнело.

– Урсель, мне пора! – крикнула она через плечо. – Может меня кто-нибудь заменить?

Вскоре они уже сидели на ступеньках лестницы среди коробок со сборниками псалмов. На коленях у Элли в пластиковой миске дымились спагетти болоньезе, и она едва сдерживалась, чтобы не накинуться на еду, как волк.

– Фуффно, – прошамкала она.

¹² Айнтопф – блюдо немецкой кухни, представляет собой густой суп.

– Да, наша Урсель отлично готовит в этой благотворительной столовой. В этом смысл ее жизни. Она даже уговорила священника, чтобы тот заказал для нас профессиональное оборудование.

– И все это только для бедных?

– Что значит «только»? – Джудит Герольд наvertsела спагетти на вилку. – Эти люди действительно способны оценить ее старания, они ведь не могут в полдень заказать себе обед из трех блюд в кафе на углу.

– И вы здесь работаете?

– На общественных началах. На полный рабочий день не выхожу, я инвалид, но не могу же я круглые сутки сидеть дома, правда? – Это не был вопрос, скорее утверждение. Однако тут разговор ни о чем для Джудит Герольд закончился. – Вы пришли сюда не ради вкусной еды, так ведь?

– Почему вы не рассказали нам, что Роза Беннингхофф уволилась с работы?

Джудит Герольд опустила тарелку, рука с вилкой застыла на полпути ко рту.

– Уволилась? Но... почему?

– Вы об этом не знали? Мне казалось, что вы как подруги должны были поговорить об этом.

– Я тоже так думаю... – Женщина отставила полупустую тарелку в сторону. – Я видела, что она хочет перемен. Она сделалась беспокойной. Но об увольнении я ничего не знала. – Джудит сглотнула слюну. – Похоже, она собиралась уехать из города. Она всегда уезжала из города, если он ей больше не подходил. Я потеряла бы ее так или иначе. Почему она ничего не сказала, черт возьми?

Она поджала губы. Элли с трудом могла понять, что это значило для нее – быть обманутой и довериться во второй раз.

– Покинуть город? Значит, она не впервые уезжала?

– Она никогда не задерживалась долго на одном месте. Когда она переехала сюда, Мюнхен стал для нее уже девятым местом жительства – новый большой город. Роза рассказывала об этом так, словно этим можно было гордиться.

Элли промолчала: ей как раз недавно удалось перебраться из Верхнего Пфальца в столицу земли – Мюнхен. Эта идея – в новом городе всякий раз начинать жизнь по-новому – показалась ей привлекательной. Только бы подальше от баварской зимы.

– Теперь я понимаю, что она готовилась отсюда сбежать, – произнесла Джудит Герольд. – Иногда такое чувствуешь.

– Что именно?

– У Розы вдруг не осталось времени, она даже перестала заботиться о своем приемном сыне.

– Оливере Баптисте? – Элли внезапно осознала: Джудит Герольд не могла знать, что они задержали мальчика. – Он часто навещал ее?

– Она была ему как мать. Роза поддерживала его, кормила после школы. Он больше любил бывать у нее, чем дома. И неудивительно, при таком-то отце.

– И даже после того, как их отношения прекратились?

– Конечно. Роза несколько лет жила с его отцом. Но ребенка просто так не оттолкнешь, если отношения закончились, правда?

Это была одна из причин, по которой Элли не хотела заводить детей. Когда появится ребенок, то от бывшего больше не сбежишь. Она и другой зарок себе дала: обходить мужчин с детьми десятой дорогой. В конце концов это чудо устроится у тебя на кухне, а ты должна будешь готовить ему какао.

– Расскажите мне про Оливера.

Джудит Герольд покачала головой:

– Тут почти не о чем рассказывать. Тихий ребенок, сразу замыкался в себе, когда я приходила. – Она выпрямилась, словно хотела сейчас же вскочить. – Мне нужно идти работать.

– Вы что-нибудь знаете о Баптисте-старшем? – спросила Элли.

– Я его избегала, он был ее проблемой, а не моей.

– Что вы имеете в виду, когда говорите «ее проблемой»?

– Они ведь расстались, не так ли?

– А почему? Из-за чего эти отношения пришлось прекратить?

Джудит Герольд принялась теребить фартук.

– Понятия не имею. Об этом вы должны сами у него спросить.

– Госпожа Герольд, – произнесла Элли строже, чем собиралась, – вы были лучшей подружкой госпожи Беннингхофф. Вы ведь обсуждали с ней эти отношения. Если вы что-то знаете о господине Баптисте, то обязаны нам сообщить.

– Я ничего о нем не знаю. Мне нужно что-то выдумать? – Джудит встала, выпрямила ноги и помассировала колено. – Очень жаль, но я больше не могу сидеть, мне нужно все время двигаться. Надеюсь, я хоть чем-нибудь вам помогла.

– У вас будет время завтра в первой половине дня, чтобы прийти к нам и подписать протокол?

Джудит Герольд на миг застыла.

– Конечно, – наконец ответила она.

Элли, стуча каблуками, поднялась по лестнице. Новых ответов она не получила – лишь новые вопросы.

Например, о чем умолчала Джудит Герольд, говоря о Баптисте. И почему она так заторопилась.

Одинокая снежинка залетела под навес и, подхваченная восходящим потоком воздуха из вентиляционной шахты, сделала круг почета возле сигареты Вехтера, прежде чем залететь ему за шиворот и растаять под воротником. Он шлепнул себя по шее, будто это был комар. Снег словно намеренно вытворял такие штуки.

Конечно, они не стали ждать до завтра, чтобы поговорить с Оливером. Они еще раз наведались в больницу, собираясь провести допрос без соглядатаев. Вехтер думал, что они сразу же смогут приступить, но по дороге в больницу Ханнес рассказал о своей проблеме с Целлером и постепенно успокоился только сейчас, после третьей сигареты.

Вехтер не удивился жалобе в порядке служебного надзора – он ее ждал. Это было только начало. Он лишь думал, что сперва попытаются запугать его самого, чтобы отступился человек, который руководит расследованием. Но, наверное, в этом-то и состояла стратегия Баптиста: вырвать самого слабого из стада и изолировать. Нет, Ханнес не был слабым, напротив. Баптист никогда не стал бы так недооценивать Ханнеса, он был слишком хитер. Нужно подождать, пока Баптист не устроит какую-нибудь дымовую завесу или применит оружие потяжелее.

– Он всего лишь пускает пыль в глаза, Ханнес, – сказал он. Вехтер просто подумал вслух: первый признак того, что он становится странным.

– Без паники. Я не из пугливых. – Голос Ханнеса почти срывался.

Беременная женщина и мужчина с трубками возле носа и кислородным прибором дыхания взглянули на их сигареты.

– Тс-с-с, не так громко, люди же смотрят, – шикнул Вехтер.

– Как мы будем продолжать расследование? – спросил Ханнес в сотый раз.

– Как обычно, – ответил Вехтер в сотый раз. Он понизил голос.

Пожилая дама на ходунках подошла к месту для курения, объехала со скрипом двоих полицейских и выпустила облако дыма.

– И поэтому мы сейчас приступим к работе. Ты успокоишься, и мы нанесем визит Оливеру Баптисту.

Входя в клинику, Вехтер придержал дверь. Ему показалось, что пожилая дама тихонько произнесла: «Жаль».

– Ты же не веришь в то, что мальчик сегодня заговорит, – сказал Ханнес.

Вехтер что-то пробормотал себе под нос. За несколько секунд больничный воздух окутал Вехтера, словно жесткая пленка, каждый шаг давался с большим напряжением. Неудивительно, что люди в таких местах не становятся здоровее.

Но мысли у него были такие же, как у Ханнеса. Если Оливер Баптист сегодня не заговорит, их шансы выбить из него показания будут стремиться к нулю. Мальчик исчезнет за стенами виллы Баптиста. Под охраной армии юристов и консультантов его воспоминания об убийстве будут все больше превращаться в то, что станут ему нашептывать адвокаты и отец.

Если бы только к нему вернулась память!

Когда Вехтер толкнул двустворчатую дверь в отделение, то увидел, что они приехали слишком поздно. Дверь в палату Оливера была распахнута. В коридоре стоял Баптист-старший и кому-то звонил. Он стоял к ним спиной, но Вехтер сразу узнал его по осанке: прямой и готовый к прыжку. Рядом с его сыном находился мужчина в темном костюме, наверное адвокат Баптиста. Его Вехтер еще ни разу не видел.

Баптист и его сопровождающий выглядели не как посетители больницы, а скорее как инвесторы, желающие купить ее.

И только Оливер нарушал эту картину. Он натянул на голову капюшон толстовки, лишь несколько локонов выбивались из-под него. Большие солнечные очки закрывали глаза. У его ног лежала спортивная сумка. Мужчина в костюме наклонился и подобрал ее.

– Можете оставить сумку, – дружелюбно сказал Вехтер, словно сам хотел отнести ее в машину. Только идиоты могли не услышать за этими словами звон военной стали.

Мужчина отдернул руку: он идиотом не был. Оба обернулись. Баптист, не прощаясь, прервал разговор по телефону.

– Как я вижу, тебе уже лучше. Это хорошо. Мы тут припомним, что хотели задать тебе пару вопросов. Я могу обращаться к тебе на «ты», правда?

Темные стекла очков обернулись к комиссару.

Вехтер ничего не мог увидеть за ними, лишь отражение собственного силуэта. Преступник или жертва? Или и то и другое? Сколько личин может носить один человек? Много. Он вспоминал, как в какой-то момент лицо Оливера исказилось от боли и как оно в следующий же момент стало совершенно безучастным, словно приступ случился у кого-то другого.

«У кого? Кто ты на самом деле?» – мысленно спрашивал Вехтер.

Баптист встал перед сыном, скрестив руки на груди, – прямо-таки разъяренный Наполеон.

– Вы напрасно приехали. Мой сын еще не в состоянии выдержать допрос.

– К вам я сегодня ехать совсем не хочу, господин Баптист. А что касается вашего мальчика, то он сам может мне сказать, хочет он с нами общаться или нет.

– Вы злоупотребляете моим доверием. Мы с вами договаривались на завтра.

– Если Оливер уже поправился настолько, чтобы оставаться одному, то он наверняка может побеседовать с нами. – Это была первая реплика Ханнеса. Он держался позади, засунув руки в карманы.

– Это невозможно, – парировал Баптист.

Вехтер наклонился к Оливеру:

– Это правда? Ты не хочешь говорить с нами?

Оливер отвернулся. В присутствии отца он не осмелился бы возражать.

Вехтер выпрямился.

– Это не допрос, господин Баптист, просто предварительная беседа. Ваш сын – важнейший свидетель. – «И наш главный подозреваемый», – мысленно добавил он. – Рано или поздно нам все равно придется с ним поговорить.

– Наш домашний доктор был вчера здесь и осмотрел его. Оливеру сейчас нужен абсолютный покой. Разрешите представить: это господин доктор Ким, мой адвокат. Господин доктор, вы хотели что-то отдать полицейским?

Мужчина в темном костюме, стоявший на заднем плане, в тени Баптиста, теперь вышел к Вехтеру и с холодной улыбкой вручил ему скоросшиватель:

– Здесь медицинское заключение. А сейчас прошу нас извинить.

Вехтер взял папку. Она была тонкой, да и диагноз оказался коротким. Комиссар попытался глубоко вдохнуть, но в этом больничном коридоре не было воздуха.

Тихий щелчок пластика заставил его отвести взгляд. Оливер снял очки, его светлые глаза смотрели на Вехтера еще пронзительнее, чем вчера. Этот мальчик становился все более открытым, словно он хотел сбежать от всего, просто исчезнуть. Отец потянул Оливера за запястье, но тот не двигался с места.

– Пойдем уже. *On y va?*¹³ Домой. – Баптист обхватил Оливера одной рукой, а второй взял за плечо, так что мальчику пришлось шагать вперед.

Оливер бросил еще один, последний взгляд на Вехтера через плечо, и в нем было какое-то послание. Вехтер не мог расшифровать его, оно исчезло, и двустворчатая дверь закрылась за ними.

Пальчики Лотты подрагивали, когда Ханнес взял ее за руку. Такая маленькая ручка в такой огромной лапище. Ее ножки лежали на коленях у Йонны, сидевшей на софе. Во время сна от девочки исходил удивительный детский аромат. Расмус, старший сын, лежал в пижаме на полу перед потрескивающим камином посреди груды деталей конструктора «Лего». Ханнес расстегнул воротник, но так и не смог избавиться от чувства, что в комнате не хватает воздуха. Полено в камине шелкнуло, зашипело и рассыпалось пылающим жаром, распространяя волну тепла. У Ханнеса чесалось все тело. Еще пару часов назад он не верил, что сможет когда-нибудь согреться, теперь же мечтал о лыжной прогулке в горах.

Он рассказывал Йонне о своем дне, и какая-то бездна понимания разверзлась и поглотила все его проблемы.

Она не провоцировала его, не расспрашивала, в какое дерьмо он вляпался, не советовала ему, как лучше выпутаться. Вместо этого она приготовила чай и помассировала Ханнесу плечи. Он не хотел чая, и плечи были в полном порядке. Случались времена, когда они горячо спорили ночи напролет. Во время таких бесед он чувствовал себя ребенком, который прыгает с воображаемым лазерным мечом, размахивает им и кричит: «Фррррым, фррррым!»

Почему Йонна всегда оказывалась на его стороне? И почему у него всегда возникали уникальные проблемы?

Ханнес осторожно тронул Расмуса пальцем ноги.

– Этим еще не пора в постель?

Йонна оторвалась от книги и, искренне удивившись, взглянула на Ханнеса:

– Они ведь и так чудесно спят. Зачем им в постель?

Он осторожно переложил голову Лотты на край дивана и встал. Флисовая куртка висела на спинке, Ханнес подхватил ее и надел.

– Куда это ты собрался в такое время?

– Подышу свежим воздухом, – обернулся к ней Ханнес.

¹³ Ну что, идем? (фр.) (Примеч. пер.)

В лицо ударил морозный воздух. Хорошо! У него замерзнут мозги, и он не будет всю ночь мысленно вести расследование. Он отошел от крыльца на несколько шагов, пока не оказался в темноте. Глаза постепенно привыкли к ней. Даже здесь, наверху, слышался далекий шум оживленной трассы. Здесь было так тихо, как хотела Йонна. Но Ханнесу нравился этот едва слышный гул, словно тонкая нить, связывавшая его с цивилизацией, которая отсюда выглядела как лиловое мерцание на горизонте. Внизу блуждающие огоньки – красные стоп-сигналы машины – удалялись в сторону тусклого зари. Червь желания точил его изнутри. Желания большого города.

И еще он хотел курить.

Ханнес стоял в одиночестве. Красноватый огонек загорелся в темноте и снова погас, пропав в метровом сугробе. Там можно было пройти только по узкой дорожке между белыми стенами. Ее приходилось чистить снова и снова изо дня в день. Огонек опять появился...

Лили. Ханнес думал, что она в своей комнате. Нет, не тут-то было. Ее узкий силуэт в пуховике поднялся на фоне ночного неба. А она приехала к ним еще без теплых вещей.

– Заходи обратно, Лили. На улице холодно.

Ханнес тут же стал проклинать себя за эту фразу. Конечно, было холодно, это она и сама знала. Ему нужно прекратить разговаривать с дочкой как с маленьким ребенком.

Лили обернулась и взглянула на него. И этот взгляд был холоднее воздуха. Потом она снова посмотрела на небо.

«Застегни куртку!»

«И без шарфа, да ты с ума сошла?»

«Мы же просили тебя не курить».

Этих фраз Ханнес не произнес. Иначе он превратился бы в говорящего робота-родителя. Вместо этого он проследил за ее взглядом. Вверху на небе раскинулось море звезд с блеклой лентой Млечного Пути. Лили отправилась в конец сада не для того, чтобы выкурить сигарету. Здесь, на горе, в темноте открывался прекрасный вид на звездный купол, не засвеченный огнями большого города и автобана. Извечное небо.

Ханнес вытащил телефон из кармана. Всего пара нажатий на экран – и на нем появились звезды. Он поднял телефон вверх, и программа отобразила созвездия.

– Это Малая Медведица. Я ее никогда без помощи не нахожу. А на той стороне – Орион.

Лили обернулась:

– Что у тебя там?

– Это приложение к телефону, которое указывает названия звезд и созвездий на небе. Направляешь телефон вверх – клац! – и ты уже знаешь, что над тобой созвездие Плеяды.

– Ух ты! – Лили швырнула окурок в сугроб и подошла ближе. – Можно я попробую?

– Конечно. Смотри, это – Большая Медведица, но ее я и так узнаю. Там, вверху, должна быть Полярная звезда, да?

– Верно! – Лили выхватила телефон у него из рук, ее лицо осветило мерцание звезд или дисплей. – А вон там Козерог! А вот... Секстант. Единорог. Я о таком и не слышала... Дерьмовый день был?

Спросила она просто, мимоходом, так что Ханнес едва услышал ее слова.

– И как ты до этого додумалась?

– Ну, у тебя в руке окурок, хотя ты строишь из себя мистера Только-не-при-детях.

Ханнес не мог не рассмеяться:

– Тонко подмечено. Но ничего серьезного. На меня написали жалобу в порядке надзора.

Чем чаще Ханнес повторял это немыслимое, типично немецкое нагромождение слов, тем смехотворнее оно ему казалось, словно номер в кабаре.

– А что это значит?

– Что кто-то на меня жалуется.

– Что ты натворил?

– Почему ты уверена, что я что-то натворил?

– Что-то плохое?

Он наклонился к уху дочери и, понизив голос, произнес:

– Это секретная информация.

Квок.

Они обернулись. Курица сидела на изгороди. Она не должна там сидеть. Она со своими недоразвитыми крыльями вообще не могла туда залететь. Курица склонила голову набок и уставилась на них злобными маленькими глазками.

Ко-кок.

– О нет! Как же ты туда попала? Как ты выбралась из сарая?

Ханнес потянулся за курицей, но схватил пустоту. Проворные тени мелькали на дороге в курятник, там было всего пять или шесть птиц, наверное. Ханнес не мог их точно подсчитать в темноте. Он махал руками, кричал: «Кыш, кыш!», – но куры его авторитетом пренебрегали и бегали по его ногам.

– Лили, помоги-ка мне!

Она не сдвинулась с места, лишь поднимала поочередно ноги, под которыми бегали куры.

– Я этого не умею. И-и-и-их, убери этих мерзких существ!

– Черт! – Ханнес схватил одну курицу, но маслянистые перья выскользнули у него из рук, и птица припустила к дому. Неверное направление.

– Ты вполне могла бы помочь, раз уж тут оказалась.

Лучше б он этого не говорил.

Нет, он хотел это сказать.

Лили стояла в темноте, Ханнес не мог видеть ее лица.

– Я не твоя подсобная работница. Если я здесь только для того, чтобы ковыряться в куриных кашках, то пошел ты...

Полы ее куртки развевались, пока Лили, тяжело ступая, брела к дому, не оборачиваясь.

Ханнесу удалось поймать одну курицу, она трепыхалась у него в руках.

– Лили!

Курица повернула голову, посмотрела на него и нагадила ему на ботинки.

Кок.

Который час? Зеленые цифры будильника показывали 1:30. Дня или ночи? Жалюзи были опущены, в окне темно.

Скрип.

Оливер испугался. Он не спал. Или ему снилось, что он не спал? Только бы не снова... Его глаза были открыты или нет? Если он сможет пошевелить ногами, значит, он действительно не спит, значит, это не сон. Пальцы двигались под одеялом. Получилось.

Опять раздался скрип.

Кррррк. Кррррк.

Пять шагов туда, пять шагов сюда.

Он знал этот звук. Еще с детства.

Очертания предметов в комнате стали четче. Его комната. Постеры на стенах, черная громада платяного шкафа. Оливер поморгал, вглядываясь в темноту, глаза искали, за что бы зацепиться. На письменном столе тлел огонек его «Мака» в спящем режиме, рядом лежали его игровая приставка, его планшет, который он никогда не выключал: он вибрировал и вспыхивал экраном, стоило коснуться его пальцем. Ворота во внешний мир.

Он дома.

Поездка в автомобиле – сущий ад: каждый поворот, каждая кочка – боль. Зачем только они взяли его с собой? Обычное дело: никто не спрашивал, чего он хочет.

Оливер поднял голову, слушая ночь. Скрип ненадолго прекратился, потом возобновился. Мальчик пошарил по прикроватному столику. Нету. Его телефона не было на привычном месте. Где же эта чертова штуковина? Там стоял лишь поднос со стаканом воды и таблеткой. Оливер залпом выпил воду и бросил таблетку в ящик столика.

Кто знает, что ему подложил папа? Он не станет это принимать. Лекарства из клиники постепенно переставали действовать, каждое движение отдавалось тысячью уколов в теле. Несколько часов назад он проглотил две таблетки аспирина, которые взял в шкафчике в ванной. С тем же успехом он мог выпить пару драже глюкозы.

Ему нужно было оставаться в больнице. Глупо хотеть обратно в клинику.

Оливер должен был радоваться, что находится дома, в собственной постели, под кучей одеял. Его кровать была похожа на ложе в юрте кочевника, разве что медвежьей шкурой не украшена. А вместо нее – гора шерстяных одеял. Их собиралось все больше и больше, без них Оливер не мог заснуть в ледяном доме. В какой-то книге он прочел о человеке, который зимой поверх одеяла набрасывал шубу. Отрадно представлять, как лежишь под тяжелой шубой, она шуршит, когда переворачиваешься, запах меха и кожи бьет в нос. Как бы там ни было, но у него есть только одеяла.

Он в западне.

Четыре стены и дверь.

Спустив ноги с края кровати, он прошлепал к двери; пол холодил подошвы. Ключ торчал в замке. Слава богу, папа его не обнаружил. Он провернул ключ дважды. Перед глазами заплескали яркие пятна: Оливер встал слишком быстро, стены закружились хороводом. Мальчик оперся на ручку двери. Ему показалось или шаги в соседней комнате на секунду затихли? Он затаил дыхание. Шум возобновился.

Крррк. Крррк.

Пять раз туда, пять раз сюда.

Оливер прислонился к двери, прижал руки и лицо к прохладному дереву.

Такое он уже здесь однажды пережил. Он попытался вспомнить. И весь его мир завертелся в противоположную сторону.

Он прислоняется к двери, кладет руки на холодное дерево и прислушивается. Вокруг темно. Он слышит голоса.

Видение рассеялось, Оливер пытался уловить его, но оно оказалось быстрее. Пропало. Как сон. Забывается, снова вспоминается, потом опять забывается. Он присел на корточки. Как он тогда сюда попал? Его сердце колотилось, как после пробежки.

Воспоминание оставалось здесь, его можно было схватить, нужно только протянуть руку, но та словно покрылась тонкой коркой льда.

Невидимое.

Недостижимое.

Оливер прополз на четвереньках обратно к кровати, взобрался на нее и накрылся одеялом с головой.

Папа всегда ему говорил: «*Это* давно прошло». *Это* наследство его матери, она передала *это* ему по наследству. С этого времени он больше не мог сам себе доверять.

Аспид спал. Он не помогал ему.

Глава 4

Рыхлый снег

Тяжелая деревянная дверь в адвокатскую контору была лишь прикрыта, Элли толкнула ее.

– Есть тут кто?

Ей назначили встречу на семь часов утра. Какая наглость! Послание было однозначным: клиенты не должны были испугаться шастающей тут толстой тетке из полиции. Ну и черт с ними, она быстро заберет электронный архив документов, а впереди будет еще целый день работы. Это в любом случае лучше, чем таскать ящики с папками. Элли стояла в пустом кабинете, а вокруг дрожала зыбкая реальность раннего утра.

Двери были распахнуты; тронутые сквозняком, что-то шептали бумаги в пустых комнатах.

– Эй, я пришла... Есть тут кто-нибудь?

Может, она не туда попала? Может, пока позаимствовать у них кофе? Если никто вскорости не явится, она воспользуется кофе-машиной. Элли обследовала весь коридор. Лишь из одной комнаты пробивался свет: не из кабинета, а из кладовки. В ней не оказалось ничего, кроме путаницы из кабелей, телефонных розеток и мониторов. В углу жужжал компьютер, тархтел вентилятор; корпус был перевязан скотчем. Элли не хотелось ничего трогать. Она прошла по темному коридору и остановилась возле двери, которая была опечатана полицией. Если уж нужно кого-то ждать, то можно пока получше осмотреться в кабинете Беннингхофф. Она сломала печать и открыла дверь, окунувшись в застоявшийся воздух. Света уличных фонарей и ламп в коридоре было вполне достаточно. Комната казалась голой, тщательно убранной, словно женщина была еще жива. Письменный стол, стул, компьютер, принтер: прежде всего – рабочее место. Шкафы для папок пустые, нет даже налета пыли. Промежуточная станция. Элли вспомнила о документе из бюро прописки. Беннингхофф никогда не жила больше двух лет в одном и том же городе, она переезжала в следующий мегаполис, где потом могла оставить после себя еще один пустой стол. Здесь больше не было и следа Розы Беннингхофф.

Дверной проем закрыла тень, раздался лязг. Элли обернулась. В проходе виднелся силуэт человека в длинном пальто, лицо затенял капюшон. Не хватало только косы¹⁴.

Элли смерила его взглядом с головы до пят.

– Слава богу, я уж думала, что не дождусь здесь чашки кофе.

Человек откинул капюшон, раздался голос, словно исходящий из ада, в котором, однако, чувствовался привкус виски и сигарет:

– Я не хотел вас пугать. Вы, наверное, и есть та дама из полиции. Меня зовут Алекс.

– Никакая я не дама и никогда не пугаюсь. – Элли пожала протянутую руку, которая, казалось, состояла только из костей, скрепленных серебряными кольцами. – Моя фамилия Шустер, я из уголовной полиции Мюнхена. Я пришла, чтобы забрать документы. На жестком диске, если можно.

Она еще никогда не видела столько оттенков черного в одежде одного человека.

– На адвоката вы не похожи. Я редко встречаю адвокатов, которые поклоняются дьяволу.

¹⁴ Смерть в немецкой традиции является в образе мужчины-косаря. (Примеч. пер.)

– Я системный администратор. – Алекс распахнул пальто. На футболке красовалась надпись: «*Bow Before Me, For I Am Root*»¹⁵. – Я уж давно бросил всем поклоняться, это почти так же вредно, как и курение. Хотите кофе?

– С удовольствием. Он так же вреден, как и поклонения.

Элли прошла за Алексом в кофейную комнату – крошечный чулан, в котором как раз помещалось два человека. Стоя. Но не с телосложением Элли. Она втянула живот, наблюдая, как Алекс управляется с грохочущей кофе-машиной. Один чалд¹⁶ упал вниз, вода закапала на рабочую поверхность.

– Извините, мало спал. – Алекс повозил кухонным полотенцем по столешнице и сделал только хуже.

– А зачем здесь системный администратор, собственно? – спросила Элли. – Сразу видно, что не для того, чтобы кофе варить.

– Я отвечаю за то, чтобы утром все запустили свои компьютеры, а потом принялись яростно стучать по клавиатуре и кричать: «Вот дерьмо, снова ничего не работает!»

– Ах, вы один из этих типов, которые вечно залезают под стол и возятся там. Такие и у нас имеются в управлении. Мы этих коллег очень любим, охотно насыпаем им соль в сахарницу.

Алекс рассмеялся.

– Вы здесь из-за Розы, да? – Лицо его на миг помрачнело. – Я до сих пор не могу поверить.

– Вы знали госпожу Беннингхофф?

– С тех пор как здесь работаю. – Алекс нажал на кнопку, машина зажужжала, кофейный запах разлился по крошечной кухне. – Не рассказывайте никому то, что я вам сейчас скажу: она была единственным честным человеком в этой лавочке.

– Вы с ней дружили?

– Дружил ли? – Алекс поморщился. – С ней никто не дружил. – Он криво усмехнулся. – Они не знали Розу. Хотя со мной она разговаривала чаще, чем со всеми остальными, но во время беседы с ней очень быстро натыкаешься на стену. Но не на обычную стену. Китайская стена по сравнению с этой – штакетник.

– Но вы сказали, что она была честным человеком?

Это был первый случай, когда кто-то думал об убитой Розе. Нет, второй. Ее подруга Джудит Герольд была связана с настоящей Розой Беннингхофф. Странно, почему она открывалась аутсайдерам? Людям со сложной биографией. И они чувствовали, что в биографии Розы Беннингхофф тоже есть сложные моменты и что-то скрывается за этой Великой Китайской стеной.

– Роза – единственный человек, обращавшийся со мной не как с насекомым, которое копошится под столом и всем надоедает.

Элли надеялась, что не покраснела, услышав эти слова.

– Вы знаете, почему она уволилась?

– Когда она подала заявление, все были ошарашены. Она не завершила свои дела. Роза только сказала, что поступает так по личным причинам.

Алекс протянул Элли чашку кофе, а в свою бросил четыре кубика сахара.

– Вы можете подробнее рассказать об этих причинах?

Элли сделала глоток и тут же получила кофеиновый шок. Все ее синапсы мгновенно проснулись.

¹⁵ Склонитесь предо мною, ибо я есть системный администратор. (англ.) (Примеч. пер.)

¹⁶ Упаковка (фильтр-пакет) молотого жареного спрессованного кофе для приготовления одной порции напитка в специальных кофе-машинах. (Примеч. пер.)

– Она не говорила об этом ни слова. Никто не осмелился бы спрашивать. Возможно, это стоило сделать. Просто спросить. – Он поставил звякнувшую чашку в мойку. – Я принесу вам внешний жесткий диск с документами.

Элли ощутила запах сигаретного дыма и кожи, когда Алекс протискивался мимо нее. Удивилась ли она? Он был немного моложе Беннингхофф, вокруг его глаз прорезались первые мимические морщинки. Из них вышла бы совершенно невероятная пара: сдержанный адвокат и фрик. Был ли он влюблен в Розу? Возможно, Алекс вообще не существовал в ее бежевом мире. Мог ли Алекс с тревогой наблюдать за тем, как она связалась с этим Лореном Баптистом?

Алекс вернулся с прибором, похожим на тостер.

– Вот жесткий диск, на котором архивировались в электронном виде все дела госпожи Беннингхофф. Контора работает с электронными документами, это значит, что все сканируется. – Он замялся. – Это устройство с моей фирмы. Смогу ли я получить его обратно, когда вы с этим закончите?

– С вашей фирмы?

– Я и есть фирма. – Алекс широко улыбнулся. – Я знаю, это похоже на мафию. Свою концы с концами.

– Я обязательно верну. – Элли коснулась его руки и почувствовала, что пальцы у него ледяные. – И тут все документы госпожи Беннингхофф?

Он лишь на долю секунды отвел взгляд в сторону. Но полицейский глаз Элли это подметил.

– Да, все без исключения документы за последние три года. Дольше мы не храним архивные данные.

– Спасибо за кофе.

Она отставила чашку и уже развернулась, чтобы уйти, но Алекс встал в проеме кухоньки, преградив ей путь, и не двигался с места.

– Вы хотели еще что-то сказать?

На лице системного администратора промелькнула нерешительная улыбка, словно Алекс вспомнил какую-то шутку, которую знал только он сам.

– Нет, ничего, – покачал головой Алекс. Он отступил в сторону и протянул ей костлявую руку. – До свидания. И помните обо мне. То есть о моем жестком диске.

– Договорились.

За Элли дверь конторы закрылась на замок. Она там провела, вероятно, около двадцати минут, но ей показалось, что это было путешествие на другую планету, путешествие, из которого она мгновенно вернулась обратно. Жесткий диск с документами оттягивал руку. Долгие часы работы. Следующее задание Элли – выяснить, что на нем есть, но прежде всего – чего на нем нет.

Вехтер молчал всю дорогу. Ханнес оставил его в покое, что-то печатал в телефоне, пытался провести виртуальные шарики через лабиринт. Он знал, что Вехтер думает о том же, что и он. Если они в первые два дня не находили основные нити расследования, шансы раскрыть дело снижались почти до нуля.

У них уже шел день четвертый.

Шарики упали в шредер. Ханнес выругался сквозь зубы и начал проходить уровень сначала. Он не знал, как долго они ехали по заснеженному ландшафту, лишенному зданий.

– Мы на месте, – сообщил Вехтер.

На холме возвышался большой комплекс строений, обнесенный кирпичным забором. Они были *in the middle of nowhere*¹⁷. Отсюда не сбежишь. А если кто-нибудь и захочет, то его, скорее всего, пристрелит какой-нибудь рьяный лесник земли Берхтесгаден еще до того, как у него закончатся кока-кола и чипсы. Полицейские проехали по подъездной дороге вверх, потом – через массивные железные ворота, которые медленно закрылись позади их машины. Ханнес просто не мог не обернуться.

Нет, ему не придется здесь остаться навечно и выполнять домашние задания. К счастью, ворота для них вновь распахнутся, но вот для местных жителей они остаются закрытыми.

Как должны себя чувствовать те, кто здесь обитает?

Ханнес представлял, что это такое. Он часто вспоминал о времени, проведенном в интернате, о четырех потерянных годах. Иногда он просыпался в три часа ночи в ужасе от этих воспоминаний. Но как здесь чувствовал себя Оливер Баптист?

«К совершенству – через требования к себе»: такой девиз значился на домашней интернет-страничке частной гимназии имени Гумбольдта. Для себя Ханнес его перевел следующим образом: «Сборный пункт для беспризорников из состоятельных семей, оказавшихся слишком тупыми для обычной гимназии».

Вехтер направил машину по хрустящей гравием дорожке, остановился под вывеской «Парковка для учителей».

¹⁷ Непонятно где (англ.). (Примеч. пер.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.